

Екатерина Перонн

С

акральный

О

ГОЛОСОК

Н

еизбежности

Екатерина Перони С.О.Н.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54778263

Сон:

ISBN 9780369401373

Аннотация

Алиса Светикова в свои восемнадцать лет переживает не лучшие времена: отец отгородился стеной безразличия, мать трагически погибла, а деятельная мачеха пытается полностью подстроить под себя героиню, пренебрегая ее желаниями. Вдобавок ко всему, каждую ночь девушку мучает один и тот же кошмар: знакомый, но почему-то очень близкий и родной человек умирает на ее глазах. Что это? Наваждение? Воспоминание из прошлой жизни? Психологическая травма? Самое захватывающее начнется, когда Алиса узнает, что Ангел из ее сна существует в реальном мире...

Содержание

***	4
1	15
2	40
3	63
4	88
5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Екатерина Перонн (Семикопейкина)

Сон

*Эту книгу я посвящаю своим
любимым родителям.*

Мамочка, папочка, я вас очень люблю...

И мне очень вас не хватает...

Дайте миру шанс.

Джон Леннон

*Предопределенного Роком не может
избежать даже Бог.*

Геродот

Когда мне было тринадцать лет, я ходила на танцы. Не могу сказать, что я любила кривляться под музыку, но в группе была моя лучшая подружка Лена. И если в школе, когда мы слишком шумели, нас рассаживали по разным партам, то в коллективе с банальным названием «Солнышко» мы могли бузить, сколько душе угодно. А после урока, когда мы шли в маленькую и пыльную раздевалку, Лена всегда доставала из

сумки мое любимое овсяное печенье.

Пока Наталья Васильевна, нервная и худенькая учительница танцев, показывала всей группе новые па, Лена шептала мне на ухо шутки. У нее всегда было отличное чувство юмора, а вот чувства меры не было совершенно. Я пыталась не смеяться, но чаще всего у меня, конечно же, ничего не получалось. В тринадцать лет сложно вести себя прилично. Наталья Васильевна всегда думала, что я смеюсь над ней и ее па (они и правда были дурачками), и, хотя и старалась этого не показывать, прилично раздражалась.

Папа много работал, а мама сидела дома. Она возила меня на танцы. А еще к репетиторам. По французскому и английскому языку – по средам и четвергам, по математике – четыре раза в неделю. Если бы я так не уставала тогда, то могла бы смело сказать, что это было прекрасное время. Настоящее детство.

Я не помню, когда это началось. В какой момент из мелких и отдельных ссор вдруг образовалась полная, яркая картина одного постоянного домашнего скандала. Родители начали непрерывно ругаться, хотя и не было для того каких-либо веских причин.

Мне кажется, что мама по-настоящему уставала от возложенного на ее плечи «домохозяйства». Она крутилась по нашему дому, как сумасшедшая белка в вечно движущемся колесе: каждый день начинался одинаково и заканчивался так же бестолково. Она готовила, наводила порядок и вози-

ла меня на все уроки и курсы. Она помогала мне с домашними работами, ходила на школьные собрания и стойко гоняла меня от компьютера, если я вдруг увлекалась новой игрой или бестолковым форумом. Подруг у нее не было: лишь приятельницы. Да и на тех не оставалось времени. На все предложения папы нанять прислугу мама обижалась. Ее деревенские корни и гены «сильной женщины» не позволяли признать поражение на домашнем поприще, даже если это поприще постепенно и сводило ее с ума.

А потом папа купил маме машину: красивую и красную. Я хлопала в ладоши и прыгала вокруг блестящего корпуса, а мама сильно свела губы, и на ее лбу образовалась резкая складочка – признак затаенной обиды: она хотела джип, а не «мелкую», по ее словам, легковушку. Я уже легла спать, а они все еще ругались на кухне. Папа злился, что маме никогда ничего не нравится. Мама кричала, что к ее мнению никто не прислушивается.

Злосчастная машина стала последней каплей в чаше терпения матери: хрупкий мир в нашем доме был окончательно разрушен. Ссоры стали привычным делом, таким как, например, мытье посуды или стирка носков.

Помню, как на следующий день мама взяла меня с собой и поехала в соседний продуктовый супермаркет. Я обожала этот магазин: с таких поездок мне всегда перепадало что-нибудь вкусненькое. Так было и в тот раз: я вышла на улицу, удовлетворенно облизывая лимонное, кислотно-желтое эс-

кимо. Мама загрузила в бардачок два ящика бутылок с красным вином. И отвезла меня к репетитору.

Через два часа усиленного изучения французского я так устала, что путала «бонжур» с «оревуар» (а про окончания неправильных глаголов я вообще молчу). Поэтому я не придавала особого значения тому, что забирал меня папа. И тому, что он был чертовски зол.

В тот вечер я опять слышала, как они ругались. В голосе мамы появились странные, визгливые нотки. Они больно резали слух. Однако за последующие шесть месяцев я привыкла к новому, пронзительному акценту в ее речи. Мама пила часто и умело прятала бутылки. С отцом они ссорились каждый день, но почему-то никто из них так и не заговорил о разводе. Наверное, в глубине души родителей все устраивало. Или пугали перемены.

В ту несчастную субботу погода испортилась окончательно. Утром небо заволокло большими, неповоротливыми тучами, а к полудню пошел мелкий мокрый снег. Первый за тот год.

Я смиренно делала уроки. Мама с утра была не в духе: вчера вечером они с отцом долго кричали, да так громко, что я слышала почти каждое слово, хотя и сидела в своей комнате на втором этаже. Папа, нашедший очередную бутылку, спрашивал, чего не хватает маме. Ведь благодаря его работе у нас было все и даже больше. Мама плакала и отвечала невпопад. Говорила, что ей одиноко. Что она устала от быта. И что папа

совсем не уделяет семье внимания, откупаясь от нас своим заработком. Это было неправдой: отец часто играл со мной после работы или смотрел с нами телевизор, смешно комментируя игру актеров в фильмах. Я хотела спуститься в зал и напомнить об этом маме. Затем передумала: меня, как всегда, могли наказать за то, что я совала слишком любопытный нос во «взрослые» дела. В какой-то момент, оправдываясь перед папой за очередной стакан коньяка, мама выкрикнула: «Ты не понимаешь! Я словно не живу. Совсем. Я ненавижу это подобие жизни!» Я запомнила ту фразу. Такие вещи не прощаются. Она как будто взяла воображаемую ручку и сама подписала себе приговор.

Зазвонил телефон, я оторвалась от невеселых воспоминаний о прошлом вечере и посмотрела в окно. Мелкие снежинки кружились в мистическом природном вальсе, и я, замороженная, вдруг захотела выбежать на улицу и потанцевать вместе с ними.

Из кухни донесся мамин голос с уже до боли знакомыми визгливыми нотками. Сначала я не расслышала слов. Затем мать четко произнесла имя моей учительницы танцев. А через минуту она вошла ко мне в комнату. Позабыв про снег и резко схватив карандаш, я с излишним усердием записывала пример, который нам даже не задавали. Я всегда нервничала, когда мама пила.

– У тебя сегодня генеральная репетиция в «Солнышке»? Я испуганно кивнула. Отчетный концерт был назначен на

завтра.

– Почему ты мне ничего не сказала? – мама негромко икнула. В ее руках была огромная кружка с надписью «Coffee», но сегодня утром я видела, как она наливала в нее остатки коньяка из большой, пузатой бутылки.

– Я тебе говорила, – упрямо ответила я, – в среду, после танцев.

Мама кивнула, словно мой ответ решал все проблемы. Затем вышла из комнаты, оставив открытой дверь.

Новый конфликт с папой – на этот раз телефонный – развился через три минуты.

– Почему ты не можешь хоть раз отвезти Алису на урок? – требовательно спрашивала мама, хотя прекрасно знала, что отец ранним утром уехал в Усолье смотреть многообещающий участок под постройку нового ресторана.

Папа что-то терпеливо объяснял. Во всяком случае, я не думаю, что он кричал. Я по инерции переписала ненужный пример целых три раза.

– Я ее не повезу. У меня летние шины, а на улице, между прочим, идет снег, – перебила мама бурчание трубки.

Она не сказала про главную причину. Она уже выпила сегодня утром. Она ведь забыла про репетицию и не предполагала, что ей придется садиться за руль.

Далекий папин голос вновь успокаивающе забормотал.

Я не знаю, что ответил мой отец. Я думаю, что он потом долго жалел о своих словах. Мама бросила трубку и допила

остатки коньяка в своей кружке. Затем заварила уже настоящий кофе.

Мы вышли из дома, и я заворуженно уставилась на миллионы мелких снежинок, круживших в холодном октябрьском воздухе. Многие из них таяли, едва коснувшись земли. Некоторые, более упорные, оседали на остатках желтой травы и голых ветках деревьев. Они приглашали меня танцевать с ними, но я опустила глаза и засемила к маминой красной машине.

Мотор урчал весело и непринужденно. Стеклоочиститель справлялся с потоком вездесущих снежинок. Я сидела на заднем сиденье и тихонько пела песенку из Ханны Монтаны.

Мама заплела мне длинную косу, а затем закрутила ее в «шишку». Мне не нравилась эта прическа, но, заколов последнюю прядь, мать вдруг улыбнулась и сказала, что я – ее «уже такая взрослая красавица». Поэтому мне хотелось петь. И еще потому, что я знала, что мы вновь будем смеяться с Ленкой и есть мое любимое овсяное печенье.

Мы выехали на центральную дорогу.

– Алиса, пристегнись, – строго сказала мама.

Как послушная и «такая взрослая», я немедленно схватила ремень безопасности.

– И ты тоже, – заметила я болтающуюся бляшку.

А потом все произошло слишком быстро. Со встречной полосы, визжа тормозами, вылетел грузовик. Водитель не смог справиться с управлением. Запаниковав, мама надави-

ла на тормоз и изо всех сил вывернула руль вправо. Она сделала все, что смогла, но так и не успела пристегнуться.

* * *

Если честно, я ничего не почувствовала. Лишь перед самым ударом я закрыла глаза, на автопилоте вспоминая последнюю строчку из Ханны Монтаны. Я не успела даже испугаться.

Секунда растянулась в звенящую вечность. А в следующий миг я вдруг поняла, что бегу по вроде и знакомому, но совершенно чужому городу. Ноги не слушались, словно я двигала ими в каком-то клейком киселе, из таких, что готовила моя бабушка на праздники и поминки. Улочки, проулки и ответвления мелькали перед глазами, словно проходы в огромном лабиринте в комнате страха. Дома были низкими, бесцветными и старыми. Антикварными.

Я уже это видела. От чувства дежавю руки покрылись мурашками.

Яркое беспощадное солнце ослепляло: я пару раз споткнулась, но в последний момент удержала равновесие. Немногочисленные прохожие с удивлением таращились на меня, некоторые что-то кричали, но я не разбирала слов. Дорожка, выложенная неуклюжими, выщербленными камнями, петляла.

Я вдруг вспомнила, что бегу не куда-то, а от кого-то. И

эта сомнительная личность пыталась всеми силами меня нагнать. Выскочив за угол очередного дома и перебежав пустую дорогу, я остановилась. Повернулась назад. Поняла, что дальше двигаться не смогу, хотя мое ватное тело и не чувствовало усталости.

Откуда я все это знала? Видела в кино? Читала в книге? В журнале? Сцена казалась до боли знакомой.

Я стояла на перекрестке с мигающим светофором, окруженная небольшими антикварными магазинчиками с непонятными надписями. Напротив, через дорогу, виднелась большая ажурная арка, а за ней, на стене – яркая афиша с танцующей девушкой в красном платье. Справа от меня, в нише старинного дома, застыла статуэтка ангела с почерневшим носом. Он выглядел грустным и укоризненно смотрел на дорогу своими белыми гипсовыми глазами. Слева я увидела старый синий автофургон выпуска каких-нибудь семидесятых-восемидесятых годов. Он был грязным, нелепым, угрожающим и стоял в неполюженном месте.

В этот момент мое сердце вдруг неистово забилося. Все подробности пейзажа показались какими-то смытыми. Тот, от кого я бежала все это время, выскочил на другую сторону улицы.

Это был в мужчина. Нет, скорее, Ангел в белых, слепящих глаза одеждах. Его огромные карие глаза блестели золотыми искрами. Непослушные темные кудри двигались в такт его шагам. Он вскинул руку и что-то прокричал. Я не разобрала.

ла слов, но вдруг ясно поняла, что пропала. Звук его голоса вызвал во всем теле странную эйфорию, дыхание сбилось, а сердце заколотилось так, словно решило отбить за следующую минуту все удары, запланированные до конца моей нелепой жизни.

Конечно же, как я могла забыть ЕГО?

Усиливающийся ветер вдруг донес до меня аромат: запах лимона, кедра и амбры. Задыхаясь, я жадно глотала воздух.

Я так по нему скучала все это время! Я так ждала этой встречи!

Он улыбнулся. Я почувствовала, как в животе взметнулась стая из тысячи бабочек и начала бестолково кружить, щекоча меня своими легкими крыльями.

В свои тринадцать лет я уже успела влюбиться в солиста одной ну очень крутой группы. Я развешивала его портреты в своей комнате и, ложась спать, придумывала, как мы с ним вместе поем на сцене и признаемся друг другу в любви.

Каким же жалким мне показался сейчас этот подростковый бред! Я смотрела на Ангела, улыбалась ему и понимала, что стала по-настоящему взрослой.

Он сделал шаг мне навстречу. Мне стало не по себе. Я пыталась откопать в глубинах забытого то воспоминание, что прольет свет на следующие мгновения. Но, кроме вопроса «Откуда я это знаю?», мозг ничего путного не выдавал. Прикованная к месту своими непослушными ногами, я физически ощутила угрозу. А в следующую секунду блестящий чер-

ный автомобиль вылетел из-за грязного автофургона. У меня заложило уши от визга тормозов.

Сердце в секунду перестало биться, волна ужаса и паники обрушилась на меня с такой силой, что я физически ощутила невероятную боль.

Нет, Господи, только не он!

Ну да, конечно, все ведь так и случилось тогда. Я почти вспомнила. Но было слишком поздно.

В этот момент мое тело вдруг обрело свободу. Я бросилась к нему, мертвому Ангелу, закричала, забилась в истерике, колотя сбившую его винтажную черную машину с круглыми фарами, и... открыла глаза.

Врач кивнул и удовлетворенно улыбнулся. С того момента, как мы с мамой врезались в дерево, прошло тридцать минут.

– Я вспомнила, как он умер, – прошептала я удивленному доктору. – Я вспомнила, как потеряла его.

1

Май, 2017 год.

Бывают дни, которые ненавидишь с самого раннего утра. Это воскресенье явно относится к их числу.

Сонная и злая, я сушу волосы старым розовым феном. Они отчаянно путаются, а фен безнадежно жужжит, не справляясь с поставленной задачей. И все потому, что Наташа умудрилась ранним утром сломать мой новый BabyLiss, хотя волос у нее на голове раз в десять меньше, чем моих, – загадочная природа блондинок, не уживающихся с любым видом техники, всегда меня удивляла.

Когда я вхожу на кухню, папа, вымученно улыбаясь, пьет кофе: моя мачеха умеет не только ломать фены, но и порядком доставать людей. Я бы сказала, в этом у нее непревзойденный талант. Если бы в мире существовала премия Оскар за лучшую женскую истерику, то Наташа получила бы Гран-При. И не один. Можно было бы весь камин заставить подобными наградами, и с лихвой осталось бы фигурок десять для декора прикроватных тумбочек.

– С добрым утром, – наливает мне чай отец. Я киваю, подавив мощный зевок, и виновато улыбаюсь.

– С добрым, – и, задумчиво посмотрев в зал, где отчаянно крутится перед зеркалом недовольная мачеха, добавляю: – Думаешь, мы успеем на самолет?

Вопрос, как ни странно, не является риторическим. За последний год мы умудрились опоздать целых два раза.

– Черт побери, юбка-таки села! Так и знала, что этой новой прачечной нельзя доверять, – жалуется Наташа, появляясь на кухне.

Я пытаюсь стереть с лица язвительную улыбку. Папа, видимо, тоже, так как он вдруг резко интересуется газетой, до сих пор невинно лежавшей на столе. За три года семейной жизни Наташа заметно поправилась, но признавать этого упрямо не хочет.

– Алиса, переоденься! – критически осмотрев мои старые джинсы, выносит вердикт мачеха. – Где твой «дорожный» костюм?

С тех пор, как они поженились, новая мама усиленно пытается привить мне чувство моды и несколько десятков светских манер.

– М-м-м... в рюкзаке... – нервно ерзаю я на стуле, с ужасом вспоминая обтягивающие бриджи и белую тряпочку с совершенно открытой спиной, гордо носящую название «топик из последней коллекции». Кажется, я засунула их на дно стиральной машинки? Или в один из чехлов от старого пальто в кладовке? – Я в Париже переоденусь, жалко такой наряд в самолет.

Папа начинает подозрительно кашлять. Его всегда смешат попытки Наташи нарядить меня в «модное».

– Солнышко, но мы и купили этот комплект для поезд-

ки, – терпеливо отрезает мачеха, слегка закатывая глаза. – И он тебе так идет.

Таким голосом еще говорят что-то вроде: «Рыбка моя, нужно кушать кашку, а не собачью какашку». Я стискиваю зубы: ненавижу, когда со мной разговаривают, как с маленькой.

– В бриджах больно сидеть – они слишком обтягивают, – применяю я последний аргумент.

– Хм-м, – Наташа с сомнением смотрит на мой плоский живот и тонкие, слегка заостренные колени, «плавающие» в растянутых джинсах. – Ну, если тебе неудобно...

– Таша, посадка в самолет – через два часа, – вставляет папа, подавив зевок. – Я думал, ты хотела посмотреть сувениры в дьюти фри.

Мачеха, испуганно ойкнув, убегает в гардеробную.

– Спасибо, – говорю я одними губами.

– Это в последний раз, – закрывшись газетой, отвечает отец. – Я бы посоветовал тебе ее слушаться.

Он говорит эту фразу уже несколько лет. И никогда не спрашивает, почему мы не ладим.

Я задумчиво пью чай. Мобильник напористо пищит: Ленке тоже интересно, успеваем ли мы к отлету. Вместо ответа я фотографирую кухонный стол с полной чашкой. На заднем плане отчетливо видны терпеливо пылящиеся чемоданы.

«ХА-ХА-ХА! – явно развлекается моя лучшая подруга. – *Марго будет в ярости!*»

«Это она может, – без улыбки печатаю я, – в конце концов, это все же ее свадьба!»

«Ну, так как свадьба будет только в следующую субботу, то к мероприятию вы, возможно, и успеете», – продолжает измываться подруга.

Я криво усмехаюсь, откладывая телефон.

Папа переворачивает страницу, вчитывается в содержание газеты. Я подсматриваю за его бегущим по строчкам, заинтересованным взглядом и в который раз мысленно оплакиваю то время, когда он был мне гораздо ближе. С тех пор как умерла мама, что-то безвозвратно покинуло наши отношения.

Отец вроде и спрашивал, как у меня дела, но никогда не вникал в ответы. Он так нужен был мне после аварии, все мое существо молило о его внимании. Я хотела поделиться с ним кошмарами, что мучали меня каждую ночь, забыться в его отеческих объятиях, выплакать свое горе по нашей общей утрате. Но папа избегал любых разговоров по душам, ограничивался своим «Все в порядке, солнышко?» и рассеянной улыбкой.

Мое воспитание он забросил и был несказанно доволен тем, что это бремя взвалила на себя его новая жена. Отец почти ничего не знал о том, каким человеком я стала: что любила, что ненавидела, чего хотела от своей жизни.

Он будто отгородился от меня тонкой невидимой стеной, каждый кирпичик которой был сделан из прочного, основа-

тельного чувства вины.

Скажи он тогда маме, что кто-то другой увезет меня... Или предложи он заказать такси...

Ничего уже не изменить. Мама была слегка пьяна и не пристегнулась, но папа всю жизнь будет корить себя за красную легковушку и летние шины. То, что он хотя бы пошел дальше, внушает мне уважение. И Маргарита, к которой мы летим на свадьбу, была тому первой причиной. Да, возможно, характер у нее – не сахар, но человек она хороший.

Через полгода после аварии Марго, одна из маминых бывших приятельниц, практически переехала к нам. Она вроде как «помогала по хозяйству» и заодно взялась за мое воспитание. Бывший муж оставил Маргарите подарок в виде двух детей и стального характера. Мадам одевалась только в вещи от Шанель (ездила за ними в Париж каждые полгода), говорила с французским акцентом, искусственно картавя, и жила, если честно, в свое полное удовольствие: при разводе она отсудила себе ого-го какую денежную компенсацию.

Возможно, отца привлекла ее материальная незаинтересованность: внезапный статус богатого вдовца собирал вокруг него слишком много влюбленных в деньги поклонниц. Или он боялся остаться со мной наедине. Он слишком долго грыз себя за случившееся и виновато избегал моего наивного детского взгляда. Да и мне шло на пользу общение с двумя отпрысками Марго. Славе было тогда пятнадцать, Нине, как и мне, только исполнилось четырнадцать. Мы иг-

рали в прятки, таскали печенье из секретных запасов на кухне, резались в «дурака» и даже пару раз, воспользовавшись отсутствием взрослых, распивали пиво, купленное на сэкономленные карманные деньги.

А потом, в одной из своих поездок в Париж, Марго встретила многообещающего француза. Папа относился к ней, как к доброй подруге (слишком мало еще прошло времени со смерти мамы), а иностранец действительно заинтересовался тонкой душевной организацией, хоть она и была надежно скрыта в оболочке стержового танка.

Уезжая, Маргарита передала бразды заботы о нашем доме своей лучшей подруге, натуральной блондинке с нежными, васильковыми глазами.

«Ты уж помогай им, Наташа», – вполне искренне умоляла новоявленная француженка. Наташа послушалась. Даже переусердствовала в своей заботе: они с папой поженились через год после отъезда Марго. Та, наверное, кусала себе локти: многообещающий француз бросил ее уже через три месяца.

За Париж она все же зацепилась. Открыла свой бизнес, купила квартиру и продолжала картавить теперь уже на законных основаниях.

«Хочешь, я позвоню в аэропорт и скажу, что в вашем самолете – бомба?» – вырывает меня из воспоминаний но-

вое сообщение. – *«Тогда вы точно успеете* *»*

Что тут сказать? Лена всегда умела искать нестандартные

решения проблем.

Наташа, покрасневшая, слегка запыхавшаяся, появляется на кухне в своем любимом белом костюме. Он действительно неплох и выгодно скрывает все лишние складки на животе. Есть, только одно но. И папа, будучи человеком практичным, неделикатно удивляется:

– А тебе не будет жарко, милая? Все-таки 25 градусов...

Я подавляю безнадежный стон. Почему в школе мужчин не учат вовремя закрывать рот? Да, пиджак оторочен мехом, ну и что? А самолет может и правда улететь без нас.

– В полете всегда холодно от кондиционера, – предупреждающе вставляю я, многозначительно пиная под столом папину ногу. – А в Париже сегодня пасмурно и дождь.

Черт! И как я могла так сесть в лужу? Белое, да еще и с мехом, не носят в мокрую погоду. Теперь стон подавляет отец. Наташа решительно берет свой чемодан.

– Я – быстро, – она панически борется с хитрым замком.

Спустя пятнадцать минут и пять выходов Наташи (можно было бы снять их на камеру и сделать памятное дефиле), папа окончательно и бесповоротно закрывает чемодан своей нерешительной супруги.

Всю дорогу в аэропорт Наташа дуется. Ей пришлось надеть твидовый розовый комплект (который, по мне, так очень ей идет). НО! Марго уже видела этот несчастный костюм, и моей мачехе не удастся удивить изысканную подружку с первого взгляда. Если это и есть проблемы размеренной

зрелой жизни, я, пожалуй, не хочу взрослеть.

После пары пробок и припозднившейся очереди на регистрационной стойке нам приходится практически бежать на посадку. Это еще сильнее расстраивает Ташу: во-первых, она не умеет бегать на своих умопомрачительно высоких каблуках, а во-вторых, у нее совсем не остается времени на бутики.

Дуться моя мачеха умеет мастерски. Ее светлые глаза жалостно хлопают ресницами. На щеках появляется натуральный румянец. Но самое главное – она молчит. И только ради этого ей стоило надеть этот злосчастный костюм и устроить пробежку на шпильках. Потому что, когда Таша открывает рот, это длится часами. Болтать она тоже умеет мастерски (почти в таком же совершенстве, как и дуться).

Я безразлично смотрю в окно на пухлые облака, беззаботно выстилающие наш путь. В самолете можно расслабиться. Только нельзя спать. Я не имею на это права, когда вокруг столько любопытных глаз. Мысли текут медленно и неохотно.

Не могу сказать, что не люблю свою новую маму. Если честно, мы всегда были настолько разными, что я при всем желании не смогла бы ее по-настоящему возненавидеть. Я очень повзрослела в свои тринадцать лет. Она же никогда не была взрослой: любила капризничать, модничать и покупать наряды – чем не пятилетняя девочка? В ее появлении в нашем доме были и свои плюсы: папа, например, вновь на-

учился улыбаться. И даже стал иногда общаться со мной.

Да и вечный кипиш, насколько бы утомительным он ни был, возродил наш дом. Наташа, на правах хозяйки, затеяла замысловатый ремонт. А по выходным таскала нас с папой по своим любимым бутикам: больше всего на свете, даже больше, чем скупать себе все новые коллекции каких-то известных дизайнеров, Наташа любила наряжать других. Папу она передела быстро: с новой стрижкой и в крутых черных брюках он вдруг помолодел лет на пять. Со мной, однако, деятельной мачехе не повезло: война за старые джинсы и футболки была долгой и жертвенной.

Выбрав себе стратегически правильную тактику, папа, сидящий через проход от нас, притворяется спящим. Обиженная Наташа умеет заставить других чувствовать себя излишне виноватыми. Самолет слегка потряхивает в особо турбулентных зонах, и каждый раз мое сердце на пару секунд перестает биться. Как, наверное, и у всех. В конце концов, сидеть в тесной коробочке в десяти километрах от земли и ни капельки не бояться человеку запрещает инстинкт самосохранения.

Мачеха достает из сумки косметичку и в десятый раз начинает поправлять макияж.

– Алиса, давай-ка я тебя накрашу, – вдруг обращается она ко мне.

Макияж, как и шмотки, меня раздражает: в конце концов, преимущество восемнадцати лет – это возможность быть на-

туральной.

– Нет, спасибо, – я усиленно ищу в голове вежливую причину отказа. – У меня... эм-м-м... кожа очень сушится в самолете. И косметика не даст порам дышать... в общем, весь макияж потрескается.

Наташа очень естественным жестом надувает губки.

– Тебе лишь бы поспорить, – с чувством обижается она и начинает обильно посыпать щеки румянами.

Отворачиваюсь к иллюминатору. Земли не видно: весь путь устилают белые, пушистые облака. Словно и не на самолете мы летим, а едем по заснеженному полю на огромном тракторе. Напротив моих глаз, прямо у линии горизонта, колоссальное вертикальное облако закручено, словно крем из взбитых сливок на любимых маминых пирожных. А слева, если внимательно всмотреться в группу сероватых туч, можно увидеть дракона с длинным змеиным хвостом.

Я достаю из рюкзака свой альбом и карандаш. Картина из облаков, где огромная неведомая рептилия принохивается к десерту с воздушным безе кажется мне уж слишком привлекательной, чтобы обойти ее стороной.

– Алиска, – тут же заговорщически шепчет Наташа с соседнего места. – А нарисуй меня!

– Опять?

Наташа с громким щелчком закрывает пудреницу, отчего папина соседка, бабуля лет семидесяти, непроизвольно вздрагивает и косится в нашу сторону.

– Да! Это будет так круто! Я опубликую твою картину в Инстаграме и подпишу: «Снова в школу или как я опять попала в первый класс.» Ну, ты понимаешь? Первый класс? В школе и в самолете.

Она говорит так громко и возбужденно, что мне становится неловко. Папа все еще притворяется, что спит, но на его губах играет легкая энигматичная улыбка. Его всегда забавляет энергия, изобилующая в молодой и приткой жене.

– Давай лучше я тебя сфотографирую, – шепчу я, чтобы убавить звук у нашего диалога. – Рисовать долго, и освещение в самолете эм-м-м... не очень выгодное... А фотография точно получится.

– Алиса, ты когда-нибудь, хоть на одно предложение сможешь ответить «да»? – разочарованно шепчет Наташа. – Я сама себя могу сфотографировать. У тебя все равно не получится так, как мне надо.

Она со вздохом достает из сумочки мобильник.

Автоматически продолжаю водить карандашом по листу бумаги, но очарование уже ушло, и рисунок получается замыленным.

Как бы Наташа меня ни раздражала, стоит признать, что тут она права. С тех пор, как не стало мамы, я действительно закрылась от этого мира. Я говорила «нет» всем его предложениям. Танцы, друзья, одежда, путешествия, открытия. Я даже пропустила в школе тот год, мне было совершенно безразлично мое настоящее и уж тем более будущее.

Школьный психолог в прошлом году посоветовала мне говорить «да» хотя бы десять раз в день. Но даже если бы я послушалась, то что бы это изменило? Природное упрямство, усиленное тоской по самому близкому мне человеку и бесконечными кошмарными снами, побеждает всухую любую битву с психологическими приемчиками.

Вздыхаю. Закрываю блокнот.

И даже если я на все говорю «нет», мачеха умеет находить способы, чтобы заставить меня делать то, что ей хочется.

Больше приключений в самолете не происходит.

Мы идем на пересадку в Москве. Тут Наташа, забыв все свои утренние невзгоды, бежит, наконец, по бутикам. Я, зевая, пью с папой очередную кружку ароматного чая, закусывая это дело воздушным пирожным.

– Не спала в самолете? – задумчиво спрашивает отец.

Мне кажется, что иногда он начинает догадываться. Особенно в последнее время: слишком часто я кричу по ночам. С другой стороны, отец настолько не знает меня, ту, что жила последние пять лет, что его интуитивные догадки по поводу ночных кошмаров кажутся чем – то из ряда фантастики.

– Нет. Наташа громко возилась со своей косметикой.

Даже его стена отчуждения не спасает меня от внезапной отеческой заботы.

– Ты вчера ночью опять кричала? – решается он после небольшой паузы.

– Приснился мальчик из «Экстрасенса», – слишком быст-

ро отвечаю я. И, приклеив к губам беззаботную улыбку, пожимаю плечами.

Лучше один раз соврать, чем потом сто раз раскаиваться в правде. Это правило я усвоила в свои тринадцать лет, когда проболталась об Ангеле из сна «заботливому» детскому психологу.

– Меньше смотри фильмов ужасов, – тут же настаивает отец, убеждая себя в том, что проблема решена. – Хочешь еще чего-нибудь поесть?

Отрицательно качаю головой, папа тут же ныряет в свой мобильный.

Так всегда. Только я думаю, что он приоткрыл дверь в своей невидимой стене, как она с громких стуком захлопывается перед носом, прищемив мне пару пальцев.

– Ты только посмотри, что я тебе купила! – швыряет Наташа на стол кошмарный розовый ридикюль, обшитый вульгарными стразами. – Он прекрасно подойдет к платью, которое ты наденешь на свадьбу к Марго.

Мысли о легкой тряпочке, которую почему-то обозвали платьем и продали в комплекте с невероятно высокими каблуками (Леди Гага бы обзавидовалась), вызывают у меня произвольный стон. А теперь еще и эта сумочка бонусом к комплекту. Такими темпами к следующей субботе я превращусь в куклу Барби из розовой страны.

Наташа хмурит брови: она вроде и перестала дуться (бутики в ее случае имеют по-настоящему лечебный эффект),

но мой настрой ей совершенно не нравится.

– А еще я увидела такие красивые шорты. Алиса, пойдем, померишь, – безжалостно продолжает мачеха.

– М-м-м... – я украдкой смотрю на часы, но тут мне ловить нечего: самолет только через полтора часа. – У меня же есть уже шорты. Может, ты купишь их себе?

Папа уж очень подозрительно захлебывается кофе и начинает фальшиво кашлять. Это, конечно, удар ниже пояса: Наташа уже год как не носит коротких вещей (я не виновата, что ее ножки слегка распухли от постоянного поедания шоколадных конфет). Но мачеха не собирается унывать по этому поводу.

– Себе я уже купила две юбки. Теперь будем одевать тебя, – без улыбки отрезает она. – В конце концов, Алиса, ты летишь в столицу моды. Тебе не стыдно будет ходить там в своих старых джинсах, купленных на рынке с единственной целью, чтобы меня позлить?

«Позорище!» – выразительно кричит ее взгляд.

Уныло допиваю чай. Зря я, конечно, подколола ее по поводу шорт. С другой стороны, хочешь кого-то наряжать – купи себе пластиковый манекен и оставь наконец в покое свою нерадивую падчерицу. Конечно, все могло быть и хуже.

Злая мачеха оказалась на самом деле щедрой крестной, только я бы предпочла, чтобы она сама носила свои хрустальные (жутко неудобные) туфельки.

В Париж мы летим относительно мирно. Наташа снова

красится. (Интересно, по сколько сантиметров штукатурки накапливается на ее лице за один день?) Папа, непроизвольно похрапывая, дремлет уже по-настоящему. Я безразлично смотрю в окно, невольно содрогаясь при мысли о новых шортах и настолько прозрачной маечке, что не каждая девушка из квартала Красных фонарей позволила бы себе ее надеть.

– Так ты переоденешься в свой «дорожный» комплект? – будто между делом спрашивает меня мачеха.

Мне даже оправдываться не хочется.

– Нет, мне и так удобно, – выдавливаю я подобие улыбки.

– Алиса, ты невообразимо упрямая.

– Знаю.

Безразлично пожав плечами, утыкаюсь носом в иллюминатор.

– Ты когда-нибудь действительно пожалеешь, – покосившись на спящего папу, шепчет Таша. – Ты только представь, у тебя костюм, за который многие девушки продали бы душу дьяволу, а ты предпочитаешь ему поношенные джинсы.

– Какая разница, сколько лет моим кедам, если я гуляю в них по Парижу? – с иронией вспоминаю я фразочку из Интернета.

Мачеха открывает рот, чтобы ответить чем-то емким и метким из цикла: «Неблагодарная, мы ж тебе все, а ты нам ничего, еще и огрызаешься», но тут пилот объявляет о посадке и папа просыпается.

Таша дальновидна и не очень любит рьяно ругаться со

мной в присутствии отца. То ли она понимает степень тяжести его чувства вины, то ли четко разделяет свою любовную и воспитательную функции, то ли просто не хочет портить настроение всей семье.

– Выспался, дорогой? – чмокает она папу в щеку и тут же отточенным движением смывает с его щеки след, оставленный блеском для губ.

Столица Франции встречает нас холодным дождем, и я радуюсь, что оставила дома Наташин «дорожный» комплект: с оголенной спиной я бы ужасно замерзла. Марго, эффектная брюнетка с синими глазами, самолично приехала за нами в аэропорт. За три года она кардинально изменилась: похудела, отрастила волосы и надула губы. В общем, как и все модные дамы из их тусовки, капитально потратилась на искусственную красоту. Я замечаю новую родинку на ее щеке – Маргарита освоила и французский макияж. Пускай слегка неумело: родинка напоминает придавленную муху, но на Марго это не смотрится вульгарно.

Подруга семьи с наигранным восхищением разглядывает костюм мачехи, папину новую рубашку и, слегка брезгливо, мои дырявые джинсы. Меня ее приподнятые нарисованные брови оставляют равнодушной. Наташу – нет. Она виновато кивает, мол «боремся, как можем, но падчерица все же нам попалась упрямая».

Марго деловито обменивается с Наташей, папой и мной двумя поцелуями (в воздух в районе щек). Это вроде как

приветствие по-французски, и я с иронией понимаю, что скоро в нашей сибирской глубинке мы будем здороваться исключительно в этом стиле. Мачеха обожает подражать своей модной подруге.

– Как долетели? – слегка вздутые губы Марго растягиваются в, скажем честно, не очень естественной улыбке, обнажая невероятно белые зубы (они, наверное, в темноте пугающе светятся).

– Кормили просто отвратительно, – жалуется Наташа.

Пожимаю плечами: так и не отведала самолетной кухни (желудок предательски дрожал от воздушных ям и турбулентности). Папа что-то бормочет про заложенные уши.

Марго решительно возглавляет нашу группу и проводит к подземной парковке, где гордо стоит ее последний «мерседес». Мы стандартно ахаем, хваля чудную зарубежную машину (папа подавляет зевок), и наконец выезжаем в отель. Мало того, что долгий перелет утомил всю семью, так еще и по дороге Маргарита без остановки болтает о последних приготовлениях к свадьбе. И если Наташе это действительно интересно, то мы с папой отмалчиваемся.

Я до сих пор не представляю, как Марго и Таша могут жить так далеко друг от друга. Конечно, они разговаривают по телефону. И по скайпу. Иногда по пять-шесть часов в день. Или по семь-восемь (особенно в последнее время). Но даже в этих условиях им не хватает общения.

Они очень похожи: Наташа уехала от родителей и брата,

как только ей исполнилось восемнадцать и звонила им только в дни рождения и на Новый год. Маргарита рано потеряла родителей, а с сестрой не общалась и вовсе из-за того, что они не поделили наследство и на всю жизнь сохранили невысказанную обиду друг на друга. Ташу в детстве нещадно били и вообще недолюбливали, как неожиданного ребенка. Марго была совсем одна, сестра ее обделила, лишила кровных денег и своей любви.

Они встретились в университете на факультете экономики и права. Маргарита тогда уже была мамой и замужем, но, разочаровавшись в семейном быту, искала новых приключений. Таша только познавала жизнь, и подруга заняла место заботливой мамыши с мудрыми советами. Две по сути одиночки с похожими мечтами. С одинаковыми проблемами. И цели в жизни у них были схожи: достичь определенного статуса и рассказать об этом окружающему миру любыми доступными способами: будь то «шмотки», украшения, поездки, машины... Когда социальные сети стали повсеместным приложением к повседневной жизни, обе подруги взорвали Интернет многочисленными фотографиями своих материальных успехов.

– Нет, вы представляете? Я замуж выхожу! – вырывает меня из мыслей крик Маргариты, полный неподдельного энтузиазма. – Вот что значит судьба! От нее не убежишь!

Ловлю папин грустный взгляд. Наверное, впервые за пять лет мы понимаем друг друга без слов. Миллионный, юбилей-

ный, утомительный пересказ того, как подруга семьи познакомилась со своим женихом Полем, начинается с предыстории.

– У меня така-а-а-ая была депрессия... Кристиан меня бросил. Ушел к другой. Мне жить не хотелось! Какие же все мужики одинаковые... Просто козлы! – она вдруг виновато замолкает и бросает осторожный взгляд на папу. – В смысле... э-э-э... я не это имела в виду... прости, Саш...

– Я так и подумал, – иронично заявляет отец.

Наша семья в курсе отношений Маргариты со всеми ее французскими поклонниками. Я даже не пытаюсь разыграть интерес к бурным речевым потокам, вытекающим из ярко накрашенного рта. Папа колупается в своем мобильном, притворяясь, что проверяет рабочий e-mail. Только я знаю, что в роуминге у него не работает Интернет (он на него жаловался еще с прошлой поездки в Европу).

– Да, Ритусь, тебе ужасно не повезло с Кристианом, – усиленно кивает Наташа.

В зеркале заднего вида я вижу, как ее подруга морщится от столь нелюбимой версии своего имени. Она всегда просила называть ее Марго.

– Ох, Таша, только вспомни, как мне было плохо, – продолжает она тем временем, картинно закатывая глаза.

Еще бы. Об этом помнит вся наша семья. Мачеха тогда на телефоне и в скайпе проводила больше времени, чем с нами. Что там говорить, перед тем как связаться с подругой,

она со всеми прощалась, давала нам с папой указания и закрывалась в комнате часов на восемь, полноправно занимая компьютер или телефон и периодически совершая набеги на холодильник. И не дай Бог в эти часы ее побеспокоить. Разбитое сердце Марго в нашем доме было важнее, чем ремонт (неслыханно!), передача «Давай поженимся» (невероятно!) и даже распродажи в любимых бутиках (совершенно невозможно!).

Я помню, как готовилась к экзаменам и писала годовую проектную работу по экономике у Ленки дома или в интернет-кафе. В нашей квартире даже по ночам компьютер был прочно оккупирован Наташей.

– И однажды, когда мне было просто невыносимо плохо, я тебе позвонила, а мне ответила Алиса, – продолжает Марго, и в ее голосе появляются триумфальные нотки (я бы даже сказала – маниакальные).

В тот день Наташа смылась на распродажу (ей позвонили из ее любимого бутика и сделали предложение, от которого она так и не смогла отказаться). Я, получив доступ в Интернет из своего собственного дома, писала одновременно два реферата и скачивала образцы сочинений. Зазвонил скайп, и внезапно экран компьютера высветил отвратительный рекламный баннер. Комп, очевидно, как и я, не ожидавший такого поворота событий, завис. Давно нужно было обновить антивирус, но Таша никого не подпускала к домашнему ПК. Я в ужасе пыталась его реанимировать, понимая, что по сво-

ей умопомрачительной глупости не сохраняла документы. А терять их совсем не хотелось. Скайп умолк, но затрещал телефон. Марго непростительно сильно хотела общения.

– О, Алиса, я так тебе благодарна, – лепечет она сейчас, подмигивая мне своим невыразимо сильно накрашенным глазом (я и не знала, что в Париже модно делать кривые стрелки на веках). – Ты мне просто жизнь спасла! Ведь это ты мне посоветовала уехать в отпуск на Кубу.

Вежливо улыбаюсь.

Тогда, к сожалению, мне было не до этикета. Моя мачеха предусмотрительно выключила мобильный, дабы не портить себе покупательное настроение. Марго, воспользовавшись тем, что я подвернулась вместо Наташи, хотела выжать из меня все соки. Она полчаса плакала в трубку. Истерила так, что я боялась прервать с ней разговор. Я не знала, что ей сказать. Баннер, из-за которого завис мой верный, но такой беззащитный компьютер, злорадно переливался всеми цветами радуги. «Проведите незабываемый отпуск на Кубе! Райские каникулы в Варадеро!» – гласил заголовок. А под ним высвечивалась типичная фотография с голубым морем и белым пляжем.

Я тщетно пыталась закрыть чертову рекламу. Но ее производители были хитрей обычной шестнадцатилетней школьницы. Да и громкие всхлипы в трубке очень мешали сконцентрироваться.

– Тетя Марго, – нерешительно перебила я поток ее брани,

обращенной ко всему мужскому населению в этом мире, – тебе надо отвлечься от всего этого. Съезди куда-нибудь. На Кубу, например.

– Там было просто ужасно, – голос Марго возвращает меня из воспоминаний о разговоре двухлетней давности. – Я чувствовала себя никому не нужной и одинокой.

Она всхлипывает, что совершенно сбивает меня с толку. Глаза-то у нее остаются сухими: я хорошо их вижу в зеркало заднего вида. Или это новая мода? Плакать без слез, чтобы не задеть многослойный макияж?

– Но ты нашла свою любовь, – Наташа, расчувствовавшись, начинает говорить слишком пафосно. Я вижу, как папа, не сдержавшись, закатывает глаза.

Марго кивает, резко выворачивая руль. С ужасом отмечая несовершенство ее водительских навыков, я молюсь, чтобы немецкие автопроизводители предусмотрительно не пожалели средств на подушки безопасности.

– Да, – Марго счастливо улыбается, – когда я летела назад, самолет попал в турбулентность. Мне было ТАК страшно... (Брызги слюной во все стороны при таком артистичном выделении слова «так». Ей надо было стать актрисой, а не владелицей сети агентств по недвижимости.)

– Я думала, мы все умрем! А мне хотелось жить! (И это говорит тот человек, который за день до поездки три часа рыдал в трубку, пугая нашу семью своими суицидными желаниями. Все же пути Господни неисповедимы.)

– А он сидел рядом со мной, – тетя Марго улыбается и, слишком сильно крутанув руль, удовлетворенно откидывается на спинку своего водительского кресла. Шины лишь жалобно визжат, случайно заехав на тротуар. – Он меня всю дорогу успокаивал... Поль... Мой герой... И я-то думала, что в свои годы никого больше не смогу найти...

Наташа начинает громко уверять Марго в том, что та еще молода. Под ее инквизиторским взглядом папа лепечет что-то вроде: «И как такие глупости могли прийти тебе в голову». Я изо всех сил стараюсь, чтобы моя ироническая улыбка сошла за ободряющую.

– Вообще-то Поль младше меня на семь лет, – игриво вздыхает Марго. – Я действительно уже старая.

– Это и доказывает, что нет! – Наташа смеется. – Если бы ты была старая, то твой жених не был бы столь молодым.

Это комплимент? Я изо всех сил борюсь с нервным смешком, застрявшим где-то в горле.

Однако будущая мадам разводит пухлые губы в отработанно скромной улыбке.

– Он тоже живет в Париже, а на Кубу летал в отпуск! Представляете, сколько совпадений? – воркует она (ах-ах-ах, ни убавить, ни прибавить). – Сегодня вечером мы ужинаем в ресторане «Ambassadeur». Он приглашает вас всех. Хочет познакомиться с моей почти семьей!

Мачеха выразительно смотрит в мою сторону, и я понимаю, что Слава тоже приглашен. Меня это совершенно не

вдохновляет. Не то чтобы он мне противен, но Наташа наверняка нарядит меня в самые кошмарные вещи из разряда «а-ля дизайнерское смелое решение убрать у маечки низ, а у юбочки – длину».

Последние полгода прошли в постоянных намеках. Новая мама спит и видит, чтобы мы со Славой начали встречаться. Во-первых, Марго и Таша мечтают породниться, пусть и за счет ни в чем не повинных детей. Во-вторых, мачеха уже два года грезит отправить меня учиться в Париж, чтобы утереть нос соседке, у которой сын укатил в Америку. В-третьих, Таша была бы неизмеримо счастлива сбывать меня на руки любому ухажеру, проживающему не в нашем городе. Ей действительно не нравится роль матери у взрослой дочери.

Беззвучно вздыхаю. Слава Богу, такие браки, где жених видит невесту в первый раз за пять минут до церемонии, у нас не практикуются. Иначе я бы вышла замуж даже раньше, чем мадам неумелая водительница «мерседеса».

Когда мы приезжаем в отель, чувствую, как необратимо слипаются отяжелевшие веки: безостановочная болтовня Марго имеет свои грустные последствия. Мы выходим из авто. Папа, на которого французский воздух однозначно повлиял в положительном направлении, бегаёт вокруг машины, чтобы умудриться открыть дверь всем дамам. Счастливая невеста продолжает что-то артистически рассказывать. Я осоловело моргаю, потягиваюсь и стоически подавляю в себе желание широко зевнуть.

– Слава заедет за вами в восемь, – завершает нескончаемый поток речи Марго, бросая брезгливый взгляд на мои джинсы. – Мы с Полем сразу приедем в ресторан.

Таша ловит направление ее взгляда и картинно вздыхает.

– Мы как раз успеем переодеться.

Ох, как мне не нравится выражение ее лица.

2

Когда Наташа резервировала отель, то мне несказанно повезло. Президентский люкс с двумя комнатами был занят, и ей пришлось брать два отдельных соседних номера.

Поэтому, закрывая дверь своей комнаты и бухаясь на кровать, я наконец-то чувствую себя счастливой. Это мое убежище. Временное, конечно, но свое. С дверью. И с собственной ванной комнатой.

Стягиваю столь любимые штаны, утешая себя тем, что через неделю мы уже будем дома. И там-то мне не придется каждый день одеваться в странные одежды, напоминающие помесь нарядов Леонтьева и Бритни Спирс. Современная мода излишне многогранна для такой простушки, как я.

Я думаю и про Славу. Вероятно, он, да и его сестра, которую теперь нужно называть исключительно Нинель и никак иначе (об этом нас заранее предупредила Марго), будут смотреть на меня свысока. Наша детская дружба осталась где-то далеко позади, а жизнь в Париже вместе с богатой маман накладывает свой отпечаток. И у Славы, возможно, уже есть девушка (о которой пока не знает его властолюбивая родительница. Когда он переехал во Францию, наше общение быстро сошло на нет. И нас, по иронии судьбы, сближало лишь общее раздражение по поводу невероятного желания наших мам заставить нас сблизиться).

До ресторана еще два часа, поэтому родители, по настоятельной просьбе сонного отца, отправились вздремнуть в свой номер. Самолет и поездка с Марго вымотали и меня. Но спать сейчас было бы ошибкой: не хочется портить себе вечер. Все же ложусь на кровать и прижимаюсь щекой к вьющей прохладой подушке.

Глаза слипаются.

Чтобы взбодриться, неохотно достаю альбом и пытаюсь закончить самолетный рисунок. В какой-то момент карандаш выскользывает из расслабленной руки и улетает под прикроватную тумбочку. Ладно. Я могу просто полежать. Отдохнуть. С закрытыми глазами.

Усталость вдавливают меня в мягкий матрас и...

Нет, черт побери, только не это!

Сквозь сон я слышу, как шлепается на пол альбом. Пытаюсь зацепиться за ускользающее сознание, упасть с кровати, вырваться из цепких объятий извечного кошмара.

Все зря.

Я снова бегу по узеньким улочкам. И снова оказываюсь на перекрестке. Мой личный Ангел появляется во всей своей ошеломляющей красе. Я пытаюсь проснуться, но мое сознание решительно не выпускает меня из клетки собственного бреда. Нет! Не умирай! Не-е-е-ет!

БАМС! Я падаю с кровати вместе с подругой моих несчастий – мокрой от слез подушкой.

ЧЕРТ! ЧЕРТ! ЧЕРТ!

Пятая точка, приложившаяся к жесткому полу, обиженно вибрирует от боли.

За пять лет подобных ночных кошмаров (каждую ночь – один и тот же сон) я должна была бы привыкнуть. Странное воспоминание, пришедшее в момент аварии, когда мое сердце на какой-то миг остановилось, продолжает преследовать меня по ночам. Но в последнее время сон стал еще ярче. Страшнее. Реальней.

Вытираю волосами свои мокрые щеки, продолжая автоматически лежать на бездушном, тонком ковролине.

«Его не существует, – тихо шепчет подсознание. – Это всего лишь сон».

«Скажешь тоже, – парирует внутренний голос. – Ты прекрасно знаешь, что это на самом деле когда-то произошло».

Сжавшись в комок, я тихо баюкаю свое разбушевавшееся сердце. Наверное, это какая-то из версий Чистилища: повторять каждую ночь сон о том, как умирает незнакомый, но такой родной, такой любимый тебе человек.

Может быть, это моя кара за то, что погибла мама? (В конце концов, именно из-за моих дурацких танцев мы поехали тогда в город по скользкой дороге.)

Или все же воспоминание из прошлой жизни? (Я знаю, что это когда-то произошло по-настоящему. Мой внутренний голос твердит об этом раз за разом.)

Или умирающий мозг выдал мне серию пугающих картинок, основанных на сцене из забытого фильма или старой

книги, настолько ярких, что они отложились в детском сознании на всю оставшуюся жизнь? (Мнение детского психолога, после десяти сеансов которой мне пришлось соврать, что я вижу нормальные сны про собачек и цветочки.)

Высушив слезы удачно подвернувшемися локонами, я медленно встаю с пола.

Сколько я проспала? Показалось, что целую вечность, но прошло всего... полчаса.

Наташа решительно врывается в номер, заставив меня подпрыгнуть от неожиданности. Она слегка раздражена (мы, как всегда, опаздываем!) и без особых разговоров заставляет меня надеть «это очаровательное маленькое черное платье». Платье и действительно очень маленькое. Такое короткое, что мне приходится его постоянно одергивать.

– Алиса, перестань прятать свою красоту! – возмущается мачеха, принуждая меня надеть отвратительные туфли на шпильке. – С твоей фигуркой ты можешь себе это позволить. Ну, пожалуйста, сделай мне приятно. Ты такая красивая. И вообще, мы с тобой договорились еще дома, что ты не будешь противиться тому, что я надеваю на тебя в Париже!

Со вздохом подчиняюсь и даже закалываю волосы в некое подобие шиньона.

Наташа убегает к себе в номер, возвращается через пять минут. Она уже подправила свой многослойный макияж и оценивающе рассматривает мой наряд.

– Накинь на плечи белый пиджак.

Послушно выуживаю из чемодана короткий, широкий жакет. Это будет моим «да» за сегодняшний день. Я не буду спорить.

– Да нет же! – вздыхает моя мачеха, увидев, как я расстегиваю пуговицу на зауженном рукаве, дабы запястье в него влезло. – Просто накинь на плечи! Как на показе. Помнишь, что говорила нам Наденька?

Наденька? Ах да, одна из многочисленных продавщиц.

Я снова проявляю чудеса безоговорочного послушания. Наташа в своей неумемной энергии меня слегка пугает.

– Сумочку возьмешь белую. Мою.

Мы выходим из комнаты, я со вздохом закрываю дверь в свое пристанище и следую за мачехой в родительские апартаменты.

Пять метров всего топать, а споткнулась уже два раза. Платье такое короткое, что я постоянно пытаюсь одернуть его сзади. Таша влетает в номер, швыряет в меня белым клатчем и косметичкой.

– замажь прыщик на левом виске! – кричит она, скрываясь в ванной комнате вместе с пестрой кучей одежды.

Папа завязывает темно-синий галстук перед огромным зеркалом в золоченой раме. Он выглядит довольным, и я вдруг понимаю, что родители наверняка не дремали в последний час, а занимались более интересными делами. Впрочем, я могу и ошибаться. Боже, почему у меня такое живое воображение? Мысли об этом действительно противны.

Отец поворачивается ко мне и ошалело застывает. Что? Что не так?

Усиленно стягиваю платье вниз.

– Боже, солнышко, тебе так идет, – папа удивленно рассматривает мой новый образ. Пытаюсь вспомнить, когда в последний раз надевала вечернее платье. В прошлом году на день рождения? Нет, тогда я была в брюках. На Новый год? Тоже нет, тогда мне контрабандой удалось пронести джинсы в рюкзаке.

Да, нечасто балую я отца своими девичьими нарядами.

Взяв в руки огромную красную косметичку из крокодиловой кожи (я уверена, что в нее влезли бы парочка моих джинсов, кроссовки и с десяток футболок), я пытаюсь найти светлый тональный крем или пудру. Но Наташа в последнее время сильно увлеклась солярием, и вся ее косметика слишком темная.

– Да, Слава, мы будем минут через пять, – слышу я, как мачеха разговаривает по телефону из ванной комнаты. – Прости, что опаздываем!

Папа все еще многозначительно молчит, рассматривая мой наряд. Неужели так страшно? Я несмело приближаюсь к зеркалу.

Из сияющего чистотой и парой разводов от постоянных уборок стекла на меня смотрит незнакомка. Тонкие ноги, упакованные в золотисто-бежевый капрон, из-за шпилек кажутся излишне длинными. Спичечными. Платье вдруг сде-

лало из привычного бесформенного тела резную, точеную фигурку. Пиджак скрывает легкую сутулость, тонкие плечи и как будто добавляет веса моему намеку на грудь.

Слава богу, что лицо осталось прежним. Высокий лоб, закрытый густой челкой. Длинные пушистые русые ресницы. Зеленые глаза. Слегка вздернутый нос. Пухловатая нижняя губа, а верхняя слегка потрескалась в правом углу из-за моей привычки ее закусывать в напряженные моменты.

Но это не мое тело. Мое тело обычно скрыто широкими штанами и безразмерными футболками. Да, папа не сможет поднять свою челюсть с пола, она будет там валяться еще долго. Даже я себя не узнаю, что уж говорить о другом человеке?

– Девочка моя, как ты выросла, – отец слегка обнимает меня за плечи, рискуя уронить с них белый пиджак.

(У жакета же есть рукава? Почему нельзя просунуть в них руки и не рисковать, что он где-нибудь слетит? Почему в мире современной моды все так сложно?)

– Наташа умеет подбирать наряды, – пожимаю я плечами. Пиджак в подтверждение моих мыслей тут же летит на пол. К черту. Ищу в зеркале тот прыщ, который мне необходимо замазать, дабы у мачехи не случилось сердечного приступа. Безуспешно. Где она его увидела?

– Я и не заметил... Ты стала взрослой... а я все думал, что ты еще ребенок совсем, – бормочет папа, поглаживая меня по голове. Заколка рискует последовать примеру пиджака.

Прическа из русских с золотистым отливом волос (за сохранение натурального цвета моих локонов мы с Наташей до сих пор ведем холодную войну) опасно накреняется. Плевать.

Самое главное, что папа, наконец, меня заметил. Я хотела бы ответить ему. Искренне. Спросить, почему он не видел, что взрослой я стала еще в тринадцать лет? Почему он никогда не слышал моих криков о помощи, когда детство окончательно кануло в лету? Почему только одежда вдруг пробудила в нем понимание того, что я изменилась?

Но я не хочу портить этот момент.

Наташа выбегает из ванной, и обстановка в комнате вдруг накаляется до предела. Будто невидимый вулкан излил на наши головы потоки бушующей лавы.

– Застегни платье, милый, – кидается она к папе. – Алиса! Прыщ! И тушью намажь ресницы, они у тебя светлые сильно! Дорогой, ты разучился завязывать галстук? Боже, мы опаздываем! Опаздываем! Алиса! Почему твой пиджак на полу валяется?

Рискуя сломать себе шею, упав с высоты моих шпилек, я подбираю пиджак, провожу пару раз тушью по ресницам. Неведомый прыщ так и останется незакрашенным. Я, во-первых, не знаю, где он, а во-вторых, так и не нашла в безразмерной косметичке подходящего тонального крема.

– И блеском губы накрась, Алисочка! А лучше помадой красной! – Таша машет на меня рукой. – И иди уже! Слава с Ниной ждут в холле у стойки администрации. Скажи, что

мы сейчас будем!

Как же она нервничает! Была бы моя воля, я бы ее саму отправила на столь долгожданное в ее глазах свидание с сыном ее лучшей подруги. Во всяком случае, она бы приложила все усилия, чтобы его очаровать, чем лично я заниматься не собираюсь.

Спускаясь в холл, три раза спотыкаюсь, начиная по-настоящему ненавидеть шпильки. Заколка, держащая волосы, не выдерживает таких резких передвижений и благополучно ломается. Когда я добираюсь до приемной отеля, то чувствую себя участницей марафонского забега. По крайней мере, настолько же уставшей.

Слава встречает меня с распростертыми объятиями.

Он почти не изменился с нашей последней встречи. Разве только сильно подрос: со своими многоэтажными шпильками я кое-как достаю ему до подбородка. И волосы отрасли. Он чем-то похож на Леонардо Ди Каприо из «Титаника». Только с пухлыми губами и упитанными щечками. Зато у него очень искренняя улыбка, затмевающая любые недостатки.

А вот Нинель явно решила выиграть в конкурсе на лучшую гримасу по поводу протухших щей. Она злостно хмурится и решительно поджимает тонкие губы (года через два природа ее матери возьмет свое, и она наверняка побежит делать себе надувные). Ее каблуки еще выше моих, но она все равно на голову ниже. И на пару размеров шире. Это ее,

видимо, раздражает больше всего.

– Алис, ма шер, – заявляет она с превосходной картавостью, которой позавидовала бы сама Эдит Пиаф. – Поздравляю, ты совсем не изменилась.

Я пытаюсь не рассмеяться: такие вещи говорят обычно сорокалетним тетям, тщательно скрывающим свой возраст. Но никак не восемнадцатилетней ровеснице. Или это был не комплимент? Славин оценивающий взгляд как раз говорит об обратном: изменилась и еще как.

– Ох, Нинель, а ты... ты...

Как бы покрасивей сказать, что ее совсем не портит та парочка лишних килограммов, что прописалась на боках? Или все же похвалить прическу? Но красить волосы, да еще и в вульгарный желтый цвет, она начала слишком рано. Это будет звучать неискренне. Может, выдать комплимент по поводу платья? Но я снова сяду в лужу: это ж какой-то известный дизайнер, а я совершенно не знаю ни его имени, ни коллекций.

– У тебя помада очень красивая, – скомканно выдаю я и, слегка нервничая, поворачиваюсь к Славе. Его широкая улыбка внушает гораздо больше доверия.

Он официально целует меня в обе щеки, оправдываясь французской традицией.

– Прекрасно выглядишь! – восхищается он. – И так подросла.

Он подкалывает мои шпильки? Или все же вспоминает,

какой пигалицей я была в детстве? С такими ненастоящими друзьями невозможно нормально общаться. Но за неимением здесь настоящих, приходится довольствоваться тем, что есть.

– Ты тоже... к-х-м... подрост, – искренне отвечаю я ему.

Слава смеется. Нина выдавливает из себя некое подобие светской усмешки. И все же. Как можно ТАК измениться за какие-то четыре года? В детстве я и подумать не могла, что она вырастет такой стервой.

– Как дела? – доброжелательно спрашивает Слава, увлекая нас с его сестрой на диван. – Хорошо долетели?

– Да, в принципе неплохо. Только очень много турбулентных зон.

– А я не боюсь самолетов, – тут же вставляет Нина. – Мы настолько привыкли с мамой летать, что я могу жизнь провести на борту.

Слава бросает своей, как я понимаю, не очень любимой сестре красноречивый взгляд: «Так и улетела бы, в чем проблема?» Нину это совсем не смущает.

– Твои родители скоро будут готовы? Ты знаешь, в такие рестораны, как этот, нельзя опаздывать.

– Почему? – невинно удивляюсь я. И опять со всей скорости сажусь в огромную лужу.

– Тебе ничего не говорит название «Ambassadeur»? – фальшиво удивляется Нина. Еще и так громко, чтобы все окружающие зеваки со стойки отеля услышали о том, какая

я невежественная хамка. Слава Богу, что они не понимают по-русски. И все же...

– Нет, – насколько можно безразличней пожимаю плечами я. – А должно?

Нинель брезгливо закатывает глаза. Все же как актриса она – полный ноль: ее не взяли бы даже в самый дешевый театр. Слава едва сдерживает смешок, прикрывая его приступом кашля. У него хотя бы получается притворяться лучше, чем у его снобской сестры. Я снова задаюсь вопросом: смеется ли он над моим невежеством или над чванством Нинели?

– В нашем случае можно и опоздать, – приходит в итоге он мне на выручку. – Я прекрасно помню, как долго собирается тетя Наташа. А мама мне не простит, если я привезу ее подругу не при полном параде.

Киваю. Молчание затягивается. Решив, что хуже уже не будет, я торопливо сбрасываю отвратительные туфли.

– Зачем же носить, если тебе в них неудобно? – удивляется Слава.

– Ташин подарок, – я грустно вздыхаю: знал бы он, что это из-за него мне приходится их надевать. – И почему мы не ходим в кедах с вечерними платьями? Они гораздо удобнее.

Нина вновь закатывает глаза. «Она бы еще телогрейку с сапогами нацепила!», – кричит ее возмущенный вид. Гордое молчание Славиной сестры, однако, играет нам на руку: атмосфера заметно теплеет.

– В следующий раз, когда мы куда-нибудь пойдем, я раз-

решаю тебе надеть кеды, – авторитарно заявляет Слава.

– Обязательно скажи об этом Наташе, – я расслабленно подгибаю под себя ноги.

Диваны в этом отеле удобны до безобразия.

– А ты всегда ведешь себя, как хорошая девочка, и слушаешься маму?

Слово «мама» больно режет слух. Наташа благоразумно не просила называть ее так. Или ей не хотелось казаться слишком старой рядом со взрослой падчерицей? Попробуй определи мотивацию взбалмошной мачехи: никогда не знаешь, что у нее на уме.

– А как же иначе? – я безнадежно киваю. – Ты разве не помнишь, какой у нее характер?

Мы заговорщически переглядываемся. Нина фыркает, и я уверена, что первым же делом она расскажет об этом разговоре своей мамаше. Меня терзает дурацкое желание швырнуть в королеву прокисших щей свою неудобную туфлю. Сдерживают пламенный порыв лишь неопределенные основы этикета, привитые Наташей.

– У нашей такой же, – уныло отвечает Слава, рассматривая мои коленки.

Я официально заявляю, что ненавижу короткие платья, вызывающие непристойные мысли у друзей мужского пола.

– А вот и мы! – сияет Таша, перебивая неловкую паузу. В ее ушах чинно покачиваются длинные бриллиантовые сережки, а кроваво-красное платье подчеркивает загоревший

цвет лица. Я еще в номере подумала, что она его не застегнет, но платье кажется идеальным по размеру. И как же она в него влезла, интересно? Три месяца назад этот шедевр французских кутюрье был безнадежно малым. Ах да, соседка Вера, местная портниха, за две недели до поездки приходила к нам на тортик. Видимо, платье внезапно расширилось под ее чутким руководством.

Слава, а затем и строптивая Нина церемонно расцеловывают моих родителей в обе щеки. Я с сожалением покидаю ложе столь уютного дивана, ужасаясь неудобности ненавистных туфель.

– Что ж, поехали, – Слава по-джентельменски протягивает мне руку. Мне удается пройти до машины, споткнувшись всего лишь один раз. (Нина в этот момент так сжимает губы, что я пугаюсь, как бы они не лопнули.)

Поездка в ресторан проходит в официально-неприятной обстановке.

Меня безумно раздражает настырная Наташа, заваливающая Славу кучей, как мне кажется, заранее подготовленных вопросов. Нинель она, кстати, тоже раздражает, так как вопросов ей почему-то не задает.

«Слава, а где ты учишься?» «Кем хочешь стать?» «Как тебе во Франции?» «Есть ли девушка?» (Она отлично знает, что официальной барышни нет, но безумно хотела спросить его об этом лично, а потом многозначительно на меня посмотреть.) «Какие у вас с Полем отношения?» «На ка-

кие оценки ты сдал сессию?» «Что это у тебя за машина?» «Твоя?» (Естественно, она помнит, что машина – Peugeot 209 и что это был подарок Марго на 18-летие, но предпочитает опять же услышать ответ от замученного Славы и вновь бросить мне выразительный взгляд.)

Как только мы подъезжаем к ресторану «Ambassadeur», я, несмотря на ненавистные каблуки, резво выпрыгиваю из машины, не дожидаясь очередного вопроса из серии «Лариса Гузеева и кандидат в «Давай поженимся». Наташа осуждающе цокает языком. Нина все еще дуется. Эта пигалица, как я понимаю, никогда и ничем не довольна. Как, впрочем, и ее неутомимая мамаша. Сколько же разводов придется выдержать женской части этой семейки, чтобы научиться вести себя порядочно по отношению к окружающему миру? И неужели я настолько цинична, что на полном серьезе об этом думаю?

– Добро пожаловать в «Crillon», один из самых дорогих отелей Парижа, – чопорно произносит Нинель, напоминая Наташе о своем существовании. – «Ambassadeur» – это их собственный ресторан.

Удивленно моргаю. Этот французский жених очень хочет нам понравиться. Или показать, что он богат. В здании из всех углов кричит неприкрытая роскошь. Люстры, свисающие с потолка, блестят тысячу хрустальных огоньков. Я с ужасом втягиваю голову в плечи, боясь, что одно из этих чудес света свалится на мою неудачливую персону.

Моя неуклюжесть всегда была моей визитной карточкой. И как Наташе пришло в голову обуть меня, такую нескладную, в высокие шпильки?

Нас подводят к огромному круглому столу, и штук десять официантов летят к нам с кучей невысказанных вопросов. Папа от неожиданности роняет кошелек. Его тут же поднимает непонятно откуда взявшийся одиннадцатый гарсон.

– Необходимо сесть так, чтобы чередовать мужчин и женщин, – подает голос Нинель, в очередной раз закатывая глаза.

Честное слово, если она все время так активно будет крутить своими зрачками, то года через три приобретет необратимое косоглазие.

– Я знаю, – высокомерно отвечает Наташа, вызывая во мне вдруг чувство смутной гордости.

Мачеха тут же развивает бурную деятельность: стул папе, затем – Нине, Славе, мне и себе. Я догадывалась, что она захочет посадить меня рядом с сыном лучшей подруги, но сесть на соседний? Она и правда хочет держать свечку?

Рядом с Наташей остается два пустых места: для жениха и невесты. В общем, мачеха осталась в настоящем выигрыше с этими «французскими рассадками» несмотря на то, что мужчин в нашей компании меньше, чем женщин.

– Принесите, пожалуйста, бутылку шампанского, – как настоящий хозяин положения заказывает Слава.

Спасибо родителям, с французским у меня все в порядке:

репетиторы смогли вбить основы языка глубоко под корку мозга. Туда же, куда и запал кошмарный сон. Я незаметно вздрагиваю при мысли о мертвом Ангеле, напоминающем о себе каждую чертову ночь.

Официанты развивают бурную деятельность: через минуту на столе стоит огромное серебряное ведро со льдом и бутылкой французских виноделов. Плюс тарелочки с оливками, небольшими солеными слойками и прочей закуской бурдой.

Интересно, работники ресторана так и будут стоять вокруг стола все то время, что мы будем ужинать? Сколько же персонала должно быть в этом странном месте? И не стесняет ли это несчастных клиентов? Я, например, не очень люблю, когда смотрят, как я ем.

Нам всем разливают шипящий напиток.

– Мама сказала их не ждать, – поясняет Слава. – Когда они приедут, мы закажем еще одну бутылку.

Нина загадочно фыркает, выражая свое неодобрение по этому поводу. Скорее всего, пить аперитив без присутствия ее мамы кажется ей невежливым. Если уж на то пошло, то я бы вообще предпочла холодного пива (как, кстати, и папа). Но, как я понимаю, Вячеславу даже в голову не пришло спросить у нас, чего мы хотим. Или в подобном ресторане слишком стыдно заказывать что-то кроме элитных вин?

– Сантэ! – провозглашает тем временем Слава, поднимая свой бокал. – В смысле, за здоровье!

Папа слегка морщится. Ему такие тосты не нравятся из-за своей скандальной банальности.

Мы чокаемся и отпиваем шипящий напиток. Глоток вызывает во мне странное ощущение: шампанское совершенно кислое. Типа «экстра-супер-пупер-брют»?

Да уж, одно из самых дорогих в мире вин – и вдруг невкусное... Я незаметно наблюдаю за столом. Нина удовлетворенно улыбается. Папа с видом «что это нам подсунули» задумчиво смотрит на спрятанную в блестящем ведре со льдом бутылку. Слава отпивает два немаленьких глотка (больше, чем полбокала) и удовлетворенно вздыхает. Наташа с исключительно светским видом пробует шампанское и довольно кивает.

– Такой интересный вкус, – вставляю я, видя, что мои озадаченные родственники не решаются озвучить общую идею. – Хм-м... а я думала, что оно должно быть сладким.

Эту фразу стоило сказать исключительно ради того, чтобы в слегка натянутой тишине услышать, как совершенно не по-светски фыркнула Нинель.

Слава смеется и объясняет, что шампанское всегда кислит. Но можно купить газированное белое вино с приторным вкусом. Оно стоит дешево, и обычно французы разбавляют его каким-нибудь сладким сиропом. Обескураженная подобной логикой, я отпиваю новый глоток.

– О, это самое чудное шампанское, что я пила в своей жизни, – вставляет свои пять центов Наташа. – Алиса, переведи

официантам, что мы довольны.

– Что Вы, этого как раз делать не нужно, – испуганно говорит Нина. – Мы ответим им, если они спросят.

Я пытаюсь подавить нервный смешок, со всей силы рвущийся из груди. Ну и законы у местных. А если я им скажу, что мне совершенно не нравится кислая жижа, меня посадят в тюрьму?

Марго и Поль должны приехать с минуты на минуту, и, опустошая странную бутылку, наша компания начинает оживать. Наташа, внезапно заинтересовавшись жизнью Нины, бомбардирует ее стандартными родительскими вопросами. Папа, как всегда, с невероятно умным видом роется в своем мобильном (только я знаю, что, мастерски притворяясь деловым человеком, он увлеченно режется в Зуму).

Пока Слава рассказывает мне что-то откровенно занудное про свою новую машину, я задаюсь актуальным вопросом: а не снять ли мне надоевшие туфли. С одной стороны, под длинной серебристо-белой скатертью не будет видно голых ног. С другой, если кто-то уронит салфетку или вилку, нагнувшийся за ней официант заметит мой позор во всей красе. Ну и что? В конце концов, бедному гарсону будет что рассказать своим многочисленным коллегам. «Представляете, нагибаюсь под стол, а там... Какой кошмар, голые пятки!» Да, я войду в историю этого ресторана.

– Алиса? – слышу я странный шепот в левом ухе.

Кажется, я слегка отвлеклась.

– Что? – таким же шепотом отвечаю я.

Слава кисло улыбается. Он, наверное, у меня что-то спрашивал, но, думая о несчастных туфлях, я профукала вопрос.

– Прости, я м-м-м... слегка устала от самолета. Еще и это шампанское. В общем, сплю на ходу.

Незаметно снимаю под столом шпильки и искренне улыбаюсь свободе замученных ног.

– А о чем ты спрашивал?

– Да так, – слегка обиженно буркает он.

– Ладно, если я тебя обидела, то готова загладить свою вину, – беспечно воркую я.

– Это как? – в его глазах зажигаются озорные огоньки.

У него все-таки золотой характер, у этого располневшего Ди Каприо.

– Ну... могу отдать тебе бокал с моим шампанским, например, – на полном серьезе отвечаю я.

Слава смеется.

– Просто оно тебе самой не нравится.

– Тогда с меня пиво, – решительно парирую я. – Как только родители отвернутся, я тихонько закажу у во-о-о-он того официанта. Он вроде наименее мерзкий из всей толпы.

Хохот Славы вызывает у всего стола цепную реакцию. Нина, как всегда, злится. На меня, потому что я понравилась ее брату? Или на брата за то, что он так неприлично себя ведет? Можно подумать, что мы не в ресторане, а на мессе в церкви, честное слово.

Наташа энигматично улыбается. Она прослушала диалог, за что готова искушать свои ухоженные локти. Но наш мимолетный флирт ей определенно нравится. Надеюсь, что она не будет спрашивать у меня подробности разговора.

У папы с губ готов сорваться вопрос: «Над чем смеется молодежь?», но в этот момент в зал плывет элегантная Марго под руку со своим ухажером.

Вспомнив подробности французских приветствий (поцелуи вокруг щек в положении «стоя»), я в ужасе ищу ногами свои потерянные туфли. Если я встану из-за стола без них, то у Нинель, да и у Наташи с Марго будет общий сердечный приступ. Золушка, черт меня побери. Наплевав на дурацкие этикетки, приподнимаю скатерть и вижу, наконец, потерянную туфлю сантиметрах в двадцати от своей пятки.

Ух! Трагедия не состоялась: надеваю дурацкую шпильку и поднимаю глаза.

– Привет всем! – Марго в красивом жемчужном платье с белыми вертикальными полосками (какой-то известный бренд: у Наташи завистливо загораются глаза) игриво поправляет свое рубиновое кольцо. На ее голове устроена такая сложная прическа из перекрученных локонов, что я невольно радуюсь тому, что моя заколка для волос поломалась по дороге сюда: слабенький шиньон на фоне этого сложно-подчиненного произведения искусства выглядел бы действительно жалким.

В тот момент, когда Наташа встает, чтобы во второй раз за

этот вечер поцеловать свою любимую подружку, а Слава говорит какую-то слегка пошлую шутку, щекоча мне ухо своим дыханием, я вижу Поля, стоящего за спиной у Маргариты.

Наверное, за тысячную долю секунды перед тем как встретиться с ним взглядом, я чувствую слабый, но родной, сводящий с ума аромат: запах лимона, кедра и амбры.

Дыхание перехватывает сразу же, будто кто-то резко ударил в живот. Пытаясь поймать губами хоть капельку кислорода, я зачарованно смотрю в невероятные, золотисто-карие глаза. Его темные, слегка кудрявые волосы выглядят чуть светлее, чем во сне, а чувственные губы кажутся гораздо более желанными.

Ангел из моих кошмаров решил предстать передо мной во всей своей красе.

«Я схожу с ума! – испуганно кричит подсознание. – Он не существует. Я снова сплю!»

Поль вежливо мне улыбается, и мир вдруг исчезает из моего окружения. Я встаю, чувствуя, что ноги не подчиняются приказам обезумевшего мозга. Плюс проклятые шпильки. Марго во второй раз за сегодня целует воздух вокруг моих щек. По-французски. Поль медленно жмет папе руку, поворачивается в мою сторону, и я понимаю, что в секунду от обморока. Сердце бьется в груди так сильно, что мне невольно становится страшно: вдруг все присутствующие его услышат.

– Алиса, ты в порядке? – удивляется Слава. Я совсем за-

была о нем. Если честно, я не помню ничего из того, что случилось со мной до этого магического момента – встречи с Ангелом из личного кошмара.

Все происходит так быстро. Как в треклятом сне. Поль вежливо наклоняется (его аромат окончательно опьяняет меня). Его губы не касаются моей кожи, когда он дарит мне формальное французское приветствие. Но близость его лица и тепло его тела в каких-то миллиметрах от моего добивают меня окончательно. Мир вдруг переворачивается, и я лечу в черную бездну, бессильно пытаюсь схватиться за своего Ангела и больше его не отпускать. Никогда.

3

Ох, как тяжело. Где я? Что происходит?

– Алиса, солнышко, – доносится папин встревоженный голос откуда-то издалека. Будто в уши напихали пару пачек ватных дисков.

– Она, наверное, переутомилась, – артистически шепчет Марго, да так, что слышит весь ресторан.

Меня ударили по голове? Почему звук такой приглушенный?

– Да еще и этот перелет, а девочка ненавидит самолеты, – вставляет Наташа с интонацией из серии «Боже мой, что же люди подумают?»

– Ты попросила, чтобы принесли воды? – Славин голос слышится так близко, что я невольно вздрагиваю.

– Да, там какой-то официант пообещал...

Открываю глаза, щурюсь от яркого света громадной люстры и вижу, как Наташа протягивает Славе полный стакан. Последний сидит на коленях в такой тесной близости, что я невольно хочу отстраниться. Только вот некуда: спину подпирает твердый, холодный пол из белоснежного мрамора.

– Она пришла в себя, – произносит вдруг заветный голос. По-французски. По телу бегут мурашки, слегка поворачиваю голову и встречаюсь с ним взглядом. В эту секунду я снова падаю в обморок. Не настоящий – такой, когда со-

знание на пару секунд зависает, а перед глазами мельтешит фейерверк из падающих звезд и метеоритов.

Мне не показалось. Он существует!

Поль стоит в каком-то метре от меня. На его лице – легкое недоумение. Или тщательно завуалированный вопрос? Я начинаю задыхаться. Сердце в груди бьется в странном ритме: словно за следующую пару минут оно решило выдать все удары до конца моих дней. Хотя, с подобными сюрпризами этот конец будет очень скоро: сколько людей умирали в расцвете лет от сердечных приступов? И у них, скорее всего, было меньше проблем.

Не могу удержаться и снова бросаю быстрый взгляд на Ангела из сна. Мозг услужливо напоминает мне привычный образ из кошмаров: мертвый, бездыханный, он лежит на дороге, когда я в ужасе бросаюсь к нему.

По всему телу проходит осязаемая волна дрожи.

– Алиса! Тебе холодно?

Голос Славы возвращает меня в жестокую реальность. Я вдруг отдаю себе отчет, что на меня смотрят по меньшей мере тридцать пар глаз. Что ж сегодня я могу официально поздравить себя с наивысшим крахом: столько внимания мне не уделяли никогда. Разве что в роддоме в момент рождения. Или после аварии, когда врачи бились за мою жизнь. Этот чертов ресторан просто создан для того, чтобы прославиться.

– Нет, мне не холодно, – слабо отвечаю я.

Мои родители с вытянутыми лицами стоят прямо за Славиной спиной. Наташа растеряла все свои светские повадки: она, кажется, по-настоящему взволнована. Еще бы, ее падчерица «опрофанилась» перед такой знатной толпой. Рядом с ней сбитая с толку Нинель все еще держит в руке бокал с шампанским. Надеюсь, она прихватила его в состоянии шока, а не потому, что хотела отпраздновать мой загадочный обморок. Маргарита задумчиво хмурит брови (сложно сказать, что она действительно чувствует в этот момент: ботокс на ее лице скрывает не только морщины, но и глубокие эмоции). Рядом с ней – Он. Испуганно отвожу глаза, дабы не выдать своего крайнего замешательства, и утыкаюсь взором в стену из штук двадцати официантов.

Да уж. Теперь я точно войду в их исторический справочник. Мадемуазель «голые пятки» напилась и грохнулась в пьяный обморок.

С благодарностью принимаю из рук Славы стакан с водой. Сердце с мозгом вступают в неравную борьбу.

Боже, как же я хочу броситься к нему!

Нет, Алиса, этого делать определенно нельзя!

Просто прикоснуться к его лицу и запустить руку в эти волшебные кудряшки!

Да, чтобы вся толпа решила, что ты не только эксцентричная, но и по-настоящему пьяная?

Черт возьми, я просто хочу почувствовать ЕГО прикосновение. И его губы...

Он женится на лучшей подруге твоей мачехи! Тебя это не останавливает?

Последний аргумент разума все же слегка отрезвляет разгоряченное сердце.

– Все хорошо, не переживайте, – тихо лепечу я, пытаюсь приподняться и избавиться себя от Славиных слишком уж тесных объятий. – Переутомилась, наверное.

– Ты же почти ничего сегодня не ела, – упрекает меня папа.

И правда. Я как-то упустила этот момент. Будь прокляты дурацкие самолеты с их турбулентными ямами и кошмарные сны, преследующие меня с тринадцати лет. Воздушное пирожное в аэропорту Москвы кажется совсем далеким.

– Давайте скорей к столу, – хлопочет Марго.

Смотрю на ее шикарное платье, идеальную прическу, искусственное лицо и впервые начинаю по-настоящему ее ненавидеть.

– Дорогой, закажи что-нибудь, пожалуйста, – фамильярно обращается она к моему Ангелу.

Господи, какое право имеет этот надутый рот называть ЕГО «дорогим»?

Слава помогает мне подняться. Я благодарно цепляюсь за его руку: еще раз эффектно падать, споткнувшись в этот раз о дурацкие шпильки, мне не позволяет совесть.

Наташа для профилактики щупает мой лоб.

– Температуры вроде нет, – неуверенно замечает она.

Еще бы: измотанное сердце со своими 1000 ударами в секунду собрало всю кровь в теле вокруг себя. Руки и лоб у меня, напротив, скоро покроются инеем от нехватки тепла.

Одергиваю платье, которое при моем падении наверняка показало всем собравшимся шикарный вид «а-ля Playboy», и чинно (насколько позволяет мое состояние) сажусь за стол. Слава накидывает мне на плечи треклятый пиджак, которому суждено сегодня подтирать полы. Что ж, так, видимо, сложились звезды для белых жакетов в этот день.

Папа протягивает тарелку с местными закусками.

– Поешь что-нибудь.

Ага, как же! У меня в животе летают какие-то странные ширококрылые бабочки. В принципе все пространство занято только ими, так что любой кусочек еды вызывает смутный ужас не добежать до туалета и устроить очередной спектакль прямо тут.

Я все же вяло беру мини канапе и усиленно притворяюсь, что прямо сейчас его съем. Эх, жалко, в ресторане нет Ленкиного лабрадора Бакса: я бы незаметно скормила ему всю тарелку.

– Ты на диете сидишь? – подмигивает мне Слава. – Поэтому и упала?

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, – недовольно бурчу я, с невинным видом опуская слоеную закуску рядом с тарелкой. Мне кажется, что с папиного места ее не видно.

– Да ладно тебе! Помнишь, как мы в кладовке наткнулись на мышь и Нинка тоже грохнулась в обморок, – ободряет меня не в меру болтливый сосед.

Папа замирает, услышав последнюю фразу. Да и Таша слегка напрягается: кому, как не моим родителям, знать, что в кладовке у нас всегда хранились запасы алкоголя. И нам, малолетним подросткам, там делать в те годы было уж точно нечего (да и в наши сегодняшние дни, откровенно говоря, тоже). Сестра Славы, услышав, какими речами успокаивает меня ее брат, усиленно хмурится. Да так, что если бы в нее влить весь ботокс ее мамы, то он бы скоропостижно вылез наружу через слегка оттопыренные уши.

Господи, я не имею права так ненавидеть Марго! Не ее вина, что любовь всей моей жизни принадлежит не мне (а этой глупой выскочке с передутыми губами).

О-о-х!

– Просто Алис хотела привлечь к себе внимание, – небрежно произносит Нинель.

Я ловлю папин задумчивый взгляд, направленный в ее сторону. И понимаю, что он, скорее всего, с ней в чем-то согласен.

– Нинель, еще раз назовешь меня «Алис», и я твое имя упрощу до Ниннушки, – раздраженно предупреждаю я.

Моя собеседница по-рыбы выпучивает глаза.

Папа со Славой утыкают свои смешки в пустые бокалы. Наташа, что-то обсуждающая со своей подружкой, несильно

наступает мне на ногу (я-то наивно думала, что этот Гитлер в платье не прислушивается к нашим разговорам).

Отпиваю глоток шампанского, чувствуя, как горит лицо: Поль несомненно смотрит сейчас прямо на меня. Я не рискую встретиться с ним взглядом. Еще один обморок – и здравствуй, местная больничка, привет, французские врачи.

Слегка запыхавшиеся официанты наконец приносят всем еду: салат с фуа грой. Я отрешенно колупаю вилкой зеленые листочки. Желудок все еще не настроен на прием пищи: в животе упорно продолжают летать тысячи бабочек.

Слава, с рекордной скоростью опустошивший свою тарелку, легкомысленно болтает (что-то вроде безумно смешной истории про то, как в их университете проходил конкурс «Мистер Пляж»). Я сосредоточенно смеюсь в паузах его рассказа.

Это совсем не просто, учитывая тот факт, что все мое разумное существо каждую секунду борется с желанием посмотреть через Наташу на другую сторону стола. Я и так слишком часто задерживаю свой тайный взгляд на совершенном лице Ангела. И вновь, и вновь заставляю себя потупить взор и уткнуться в тарелку со скучным салатом.

Ни о чем не подозревающий (я очень на это надеюсь) Поль увлеченно разговаривает с моими родителями (Марго переводит с французского на русский). Сначала Наташа по традиции задает ему кучу официальных вопросов: о работе, жилье, возрасте и планах. Стараюсь не слушать, однако каждое

произнесенное им слово вызывает бурную реакцию защемленного сердца, и мозг автоматически записывает все Его фразы. (Директор магазина мужской одежды Denio, живет в Париже, 30 лет, планируют поехать в свадебное путешествие в Таиланд...)

Потом речь идет непосредственно о свадьбе. Мне все трудней и трудней смеяться над Славиными шутками. Когда Поль нежно касается руки своей невесты, я в ужасе понимаю, что мне становится физически больно.

Нет, надо что-то делать. Так продолжаться больше не может. Представляю их свадьбу, и меня начинает по-настоящему тошнить.

– Алиса, ты ничего не ешь, – озабочен Славик (зачем же так громко?) – и все сразу поворачиваются в мою сторону. В том числе и официанты (будто они понимают русскую речь).

– Тебе не нравится? – вежливо спрашивает Поль по-французски, и я понимаю, что мои щеки заливают неловкий румянец. Очень надеюсь, что его происхождение спишут на жару в ресторанном зале. Или пусть даже на алкоголь.

– Все очень вкусно, – с отвратительным акцентом отвечаю я ему (да, чтобы научиться картавить, как Нинель, мне нужно прожить здесь лет двадцать). – Я просто м-м-м... всегда мало ем...

Мой собеседник с изумлением глядит в мою тарелку, в которой я беспорядочно накидала листья салата на нетронутый кусочек фуа гры. Хотя это и кажется мне физически невоз-

можным, я чувствую, что краснею еще больше.

– Очень мало, да, – лепечу я, смотря ему прямо в глаза. Между нами в этот момент ударяет невидимая молния. На какую-то долю секунды его зрачки, расширившись, блестят так, что мне кажется, что он тоже что-то вспомнил. Электрическое напряжение настолько сильно, что у меня начинают дрожать колени. Слава недоуменно смотрит на мои руки, сминающие кусочек хлеба в бесформенный комок. Поль опускает глаза и отпивает последний глоток шампанского из своего бокала.

– Может быть, ты не хочешь рыбу на ужин? – произносит он, вновь выводя меня из равновесия своим волшебным голосом. – Я могу поменять заказ.

Автоматически отмечаю, что мужчина моей мечты еще и джентльмен. До сего момента ни Слава, ни Марго не удостоили меня честью выбора.

– Нет, мне все равно, – отвечаю я.

– Ты учила французский? – с интересом спрашивает Слава.

Раздражение по поводу столь нелепой ситуации вдруг обрушивается на ни в чем не повинного парня. И все же. Что за глупый вопрос? Если я хоть чуть-чуть говорю и понимаю речь окружающих, значит, наверное, что учила? Или он думает, что это у меня врожденное?

Поль бросает в мою сторону загадочный взгляд. Сердце тут же послушно подпрыгивает в груди. БУМ-БУМ-БУМ!

Его удары напоминают барабанную дробь из устаревшей рок-песенки. Удивляюсь тому, что до сих пор не умерла от инфаркта. За всю мою жизнь оно никогда не билось так быстро.

– Да, и сейчас учу. Что может быть лучше пары французских спряжений на завтрак? – мой собеседник смеется. Поль приподнимает брови, и Слава переводит ему нелепый ответ. Я боюсь оторвать глаза от тарелки и вновь попасть во власть колдовского, пленительного взгляда.

– Значит, ваша свадьба в субботу? – не очень вежливо переключает внимание на себя моя мачеха.

В ужасе тыкаю вилкой бедную закуску. Сегодня воскресенье. Осталось всего шесть дней. А учитывая, что сейчас вечер, а свадьба утром... Пять. Пять полных дней до того момента, как он женится.

Почему я не встретила его раньше?

– Да, – Ташина лучшая подруга просто светится от счастья. Когда она улыбается своими ярко-розовыми губами (и как у нее еще помада держится, когда она ест?), то напоминает мне жабу из диснеевской Дюймовочки.

«Я не имею права ее ненавидеть!» – в который раз твержу я себе, пытаюсь справиться с настырным желанием воткнуть вилку Маргарите в плохо покрашенный глаз.

Официанты охотливо убирают со стола посуду (мой гарсон определенно старается не выдать своего удивления по поводу тарелки с раскрошенной по листьям салата фуа

грой). Новая волна обслуживающего персонала уже бежит к нам с горячим.

Один из работников тут же объявляет состав: блюдо с какой-то рыбой в каком-то сложном соусе с невероятным гарниром и бла-бла-бла. Английскую королеву, наверное, так публике не представляют, как этот ужин.

Другой гарсон небрежно открывает бутылку с вином, наливает в пустой бокал один глоток и пьет его.

Забыв на секунду о своих душераздирающих проблемах, я с удивлением слежу за ним взглядом.

Профессионально улыбнувшись и гордо кивнув, он разливает белое вино в наши пустые стаканы.

– Э-э-э, что это было? – я вижу, как Слава пытается зажевать свой смех оставшимся кусочком багета.

Я так и не поняла: нравлюсь я ему или он находит меня несказанно забавной.

– Это профессиональный сомелье, – подает голос Нинель (с видом учительницы первого класса, в десятый раз повторяющей одну и ту же фразу). – Он знает, каким каждое вино должно быть на вкус и если почувствует что-то не то, то принесет другую бутылку.

– Я так и поняла, – сохраняя остатки потерянного лица, в тон ей отвечаю я.

– Ха-кха-кха, – уже почти не скрывает свой смех Слава. – Ты не волнуйся. У меня была точно такая же реакция, когда мы ужинали здесь в первый раз. Так уж повелось, что это

любимый ресторан Поля.

Я опять утыкаюсь носом в свою тарелку. Присутствие Поля в жизни их семьи мне физически невыносимо.

Хотя за трапезой и принято не говорить с набитым ртом, Марго продолжает свою дискуссию по поводу свадьбы. Слава наверняка вобрал все гены болтливости из своей мамы.

– У нас уже все готово, – Маргарита изящно режет рыбу в своей тарелке (если бы я так умела пользоваться столовыми приборами, то уже давно бы получила ученую степень), – в десять часов мы расписываемся в мэрии, решили без всяких церковных обрядов, после – катаемся по Парижу кортежем, фотографируемся, гуляем и хвалим мое свадебное платье.

Пытаюсь не слушать. Но Слава, занятый своим ужином, как назло, молчит.

– В два шампанская пауза в «Seletmer», а в четыре отправляемся в «Pavillon Élysée»: у нас аперитив на террасе ресторана, а затем, в шесть часов, начнется праздничный ужин. Приглашено всего около трехсот человек: мы решили устроить праздник только для своих.

Если триста человек – исключительно **свои**, то сколько же в ее жизни чужих?

У меня раскалывается голова. Вместо непонятных соусов принесли бы лучше таблетку аспирина. Чтобы как-то себя занять, я начинаю резать несчастную рыбу на миллион мелких кусочков.

– Вкусно они тут готовят, жаль, что порции маленькие, –

доел свое блюдо мой сосед.

– Слава, это вообще-то гастрономический ресторан, – неодобрительно вставляет Нина. Она тоже управилась со своей тарелкой. От ее высокомерной лекции на тему элитных блюд нас спасает моя извечная неуклюжесть: опрокинутый бокал с вином тут же заменяют на новый.

Нина фыркает. Наташа под столом придавливает мне вторую ногу, удачно попав на новенькую мозоль. Слава ухмыляется. Марго осуждающе качает головой. А Поль вновь бросает в мою сторону свой загадочный взгляд.

«Все в порядке?» – спрашивают его глаза, тая в себе более глубокий, невысказанный вопрос.

«Нет. Все уже никогда не будет в порядке», – мысленно отвечаю я ему, отпивая глоток воды.

– В общем, Алисе на свадьбе не наливать, ха-ха-ха, – выдает Марго, поливая свое блюдо еще одной порцией жирного соуса.

Я вдруг осознаю, что это благодаря мне они познакомились. Если бы я умела кусать локти, то с радостью бы впилась в них сейчас всеми доступными зубами.

Оставшуюся часть ужина мы посвящаем разговорам о том, как готовилось торжественное событие (Наташа была в курсе каждой детали, но Марго безумно нравится пересказывать мельчайшие подробности).

Поль отмалчивается, но я вижу, что он тоже почти ничего не ест. Я пытаюсь не поднимать глаз выше его тарелки.

Боязнь моей собственной бесконтрольной реакции обезкураживает меня окончательно.

– Если честно, Алиса, я по тебе очень скучал, – выводит меня из моих мыслей Слава, обезоруживающе улыбающийся с полным ртом гарнирных овощей. Удивленная, я осознаю, что он отрешенно (а может, и осмысленно?) ест еду из моей тарелки.

– М-м-м... – задумчиво отвечаю я на его неуместное признание. Все мои попытки сконцентрироваться на разговоре оканчиваются неудачно: мысли все время улетают в другом направлении. Туда, в чью сторону я боюсь смотреть. Даже сквозь запах рыбы (кажется, это все же форель, хотя полной уверенности у меня этим вечером нет ни в чем), я ловлю легкий цитрусовый аромат Его туалетной воды, выводящий меня из шаткого состояния равновесия.

– Алиса.

Удрученно утыкаюсь в тарелку, пытаюсь унять бегущую по телу дрожь: реакция на Его голос, естественно.

– Да?

Поль наверняка задается вопросом, почему я не рискую посмотреть выше его шеи:

– Ты планируешь остаться жить во Франции?

Все, даже Наташа с тетей Марго, замолкают в ожидании моего ответа. Слава проглатывает невероятно большой кусок хлеба, смазанного соусом с двух сторон.

Продолжаю невидящим взором смотреть в свою верную

напарницу сегодняшнего вечера – невинную тарелку. Она удивляет своей пустотой. Если учесть, что в животе до сих пор летают непокормленные бабочки, то можно сделать вывод, что кто-то воспользовался моим отсутствием аппетита. Слава вытирает салфеткой измазанные соусом губы.

Не сказать, что это самое светское зрелище. Манеры в семье явно переняла Ее Величество Нинель Недовольная.

– Э-э-э-э. Нет. Не знаю. Почему Вы так думаете? – отвечаю я Полю, поглядывая в сторону Наташи.

Она хмурится: между бровей тут же появляется «недовольная» морщинка. Однако мачеха довольно быстро берет себя в руки, начиная на своем уникально плохом французском языке вперемешку с еще более отвратительным английским объяснять всем, что мы еще не знаем, чем я буду заниматься после школы, но очень надеюсь, что я наконец уеду из отчего дома.

– Алиса гоу Париж, – заканчивает она свою страстную речь, действительно подмигивая мне правым глазом. От усердия (какой кошмар!) у нее даже тушь потекла.

Наступить что ли ей тоже на ногу? Наташа прекрасно знает, что другие страны и города меня никогда особо не привлекали.

Да, я хочу учиться на художника, да, во Франции это было бы интересным, да, мои родители с радостью готовы обеспечить мне все условия. Но кого я пытаюсь обмануть? Я нелюдима, которая ни за что не выходит из собственной зоны

комфорта. Я бы никогда не уехала, если бы на то не было каких-то особых причин.

А сейчас, когда я знаю, что в этом городе живет человек, которого я любила всю жизнь (скорее всего, гораздо дольше) и один взгляд которого способен вызвать у меня остановку сердца, переезд подобен самоубийству.

Они даже не представляют, насколько будет лучше для всех, если я поступлю в любой Ангарский колледж.

Наташа вновь беззаботно смеется и подмигивает левым глазом. На этот раз Славе. Украдкой подглядываю за Полем из-под опущенных ресниц. Он кажется таким далеким, таким отрешенным. Если бы я могла, то кинулась бы к нему на шею прямо сейчас.

Измученное сознание продолжает контролировать сумасшедшие желания моего существа.

Нервно облизываю губы, что не ускользает от удивленного взгляда Нинель.

Распоясавшийся Слава, однако, не замечает тонкостей моего настроения. Он накрывает мою руку своей слегка липкой ладонью. Да, этот, так сказать, кавалер не только грязно ест руками, но и явно ничего не понимает в девушках.

– А кем ты хочешь стать?

Поль пытается изобразить вежливый интерес. Наверное, я действительно его смущаю, раз он старательно включает меня в общую беседу.

– Художником, – тихо отвечаю я. Бросаю неловкий взор в

его сторону и, загипнотизированная золотисто-карими глазами, почти теряю над собой контроль.

Почему он так смотрит? Это уже не простая вежливость. Это вопрос. Загадка. Дерзкая попытка беззвучно передать мне свои мысли.

– Не художником, а дизайнером, – тут же перехватывает инициативу Наташа, после того как Маргарита перевела нашу беседу на французский.

Вздрагиваю, нехотя отвожу взгляд от Ангела.

– У Алисы дар рисовать одежду! Я сейчас покажу.

Вытерев руки салфеткой, мачеха роется в телефоне. Она находит собственный портрет, я рисовала его в ее прошлый день рождения, в августе. И он даже неделю был прикреплен к топовым новостям на ее странице: высшая похвала, которой могла удостоиться картинка.

Поль берет в руки мобильный, а мне вдруг хочется кричать. Мои рисунки – это мой мир, я не хочу им делиться. Не с ним. Не сейчас. Не в присутствии стольких людей.

Лицо моего Ангела озаряет улыбка.

– Ты сама рисовала?

Я помню этот портрет. Наташа так любила это бежевое платье, но пятно от красного вина вывести было невозможно: слишком нежной оказалась ткань. И я, дабы ей угодить, изобразила ее в том убитом бесстрастной рукой винодела платье с меховой накидкой на плечах. Таша потом еще заказывала такую же накидку у портнихи.

– Да, – снова тихо отвечаю я. – Конечно, сама.

– Очень красиво, – он передает телефон дальше по кругу стола. Всем вдруг хочется посмотреть на мое творчество. Если бы на столе была кнопка, чтобы сразу же провалиться под землю, я бы нажала на нее, не задумываясь.

– Ты тонко передаешь суть человека в чертах лица, – продолжает Поль. – Я не очень разбираюсь в искусстве, но твоя работа чем-то цепляет.

Сердце изможденно ударяется о грудную клетку. Щеки безбожно горят пунцовыми пятнами.

– В Париже много школ искусств. Ты бы стала настоящим профессионалом, – задумчиво продолжает мужчина моей мечты. – Значит, ты хочешь создавать одежду?

Мне кажется, что от переизбытка чувств меня вырвет прямо на Славины щеголеватые джинсы.

Почему ему это так интересно? Дань вежливости? Да неужели? Поль снова ловит мой взгляд, и я привычно забываю вдохнуть. Распаленная грудная клетка кажется жестким и невероятно тяжелым корсетом.

– Я не хочу быть дизайнером одежды, – бросив в Наташину сторону вызывающий взгляд, отвечаю я. – Я хочу рисовать картины.

Марго тут же ябедничает, переводя мои слова.

– Какая разница, что тебе рисовать? – тут же вклинивается моя мачеха на русском. – Но у тебя же дар кутюрье, моя девочка. Жалко будет продавать в переходе у метро не нуж-

ные никому пейзажики вместо того, чтобы грести сотни тысяч евро за эскиз новой коллекции.

– Между прочим, – вступает Маргарита, – с нашими связями, ты бы начала работать в известном доме мод еще во время своего обучения.

Сжимаю кулаки и удивленно понимаю, что меня обуревают неистовая ярость. Еще Маргарита бы мне не указывала, чем заниматься! Она и так выходит замуж за того, кого я любила задолго до ее появления. Ей мало этого?

– Я не буду дизайнером одежды, – мой голос дрожит от гнева и неприкрытого отчаяния. – Меня это не интересует. Я маму потеряла пять лет назад, так неужели мне и себя теперь потерять из-за ваших взрослых амбиций?

За столом наступает звенящая тишина. Поль недоуменно смотрит на меня, на Наташу, на Марго, но никто не рискует переводить ему дерзкий ответ. Папа утыкается носом в тарелку. Я знаю, что он делает сейчас. Возводит между нами дополнительную стену из своего чувства вины.

Трус.

Ну и пусть. Он никогда не мог противостоять своей новой жене, а вот сил кричать на маму у него было хоть отбавляй. Может, она из-за этого и начала пить?

– Алиса, мне кажется, что художник – это очень круто, – несмело начинает Слава. – Я уже вижу тебя в берете и измазанную краской, создающую свой шедевр. А ты покажешь мне свои рисунки?

Молчу. Гнев еще слишком силен. Помада на Наташиных губах уже стерлась, и они кажутся белыми: ее ярость гораздо сильнее моей. Ох и взбучку она мне устроит за этот вечер!

Слава пытается в общих чертах перевести Полю наш спор. Я слышу, как француз легко смеется, резко поднимаю глаза. Он расслаблен. Улыбка на его губах кажется божественно сладкой.

– Ты все правильно делаешь, – подмигивает он мне, отчего сердце ошибочно ввинчивается куда-то в позвоночник. – Ты же сама можешь выбирать, кем стать. Умение рисовать – редкий дар, и я бы тоже хотел посмотреть твои рисунки.

Слушаю стук сердца в почему-то заложенных ушах. Марго кидает мне далеко не дружелюбный взгляд. Папа так и рассматривает свою тарелку.

– Мне очень жаль, что ты потеряла маму, – тихо заканчивает Поль свою краткую речь.

Мои глаза наполняются тяжелыми, жгучими слезами. Его сочувствие вызывает в груди такую бурю эмоций, что внезапная вспышка гнева отходит на второй план.

Истеричка. Настоящая истеричка. Уберите меня подальше от приличного общества и наденьте смирительную рубашку.

– Прости, Наташа, – несмело поворачиваюсь я к своей маме. – Я не хотела тебя обидеть, но ты ведь понимаешь, что в данном случае я сражалась за свое будущее?

Пытаюсь, чтобы тон стал легким. Почти шутивным. Ната-

ша не улыбается, когда бросает мне обиженный взгляд.

– Я понимаю, девочка моя. Но я очень хочу, чтобы твое будущее было счастливым и безоблачным. И за это я буду сражаться с кем угодно. Даже с тобой.

Тон у нее не шуточный. Но роль доброй феи из Золушки она играет максимально хорошо. Отодвигаю от себя полупустую тарелку, официанты уже бегут ее убирать.

– Ох уж эти дети, – неприязненно хлопает ресницами Марго. – А Слава, знаешь, что он мне учудил, когда ему было семнадцать? Хотел в Россию вернуться. В Сибирь. Мол, здесь ему жить неинтересно.

Слава краснеет, виновато улыбается и тут же включается в разговор о том, каким неугомонным он был пару лет назад.

Папа отводит глаза от тарелки и несмело пожимает плечами. Конфликт пока что исчерпан. И лишь золотисто-карие глаза и легкая, одобряющая улыбка Поля продолжают преследовать мою истерзанную душу.

Я боюсь. Боюсь того, что тело реагирует физически на несуществующие прикосновения. Лицо бросает то в жар, то в холод, но, даже не поднимая глаз, я могу с точностью сказать, когда он смотрит на меня, а когда нет. Это невыносимо.

На стол подают сыр, и я, наученная горьким опытом, умело скрываю свое удивление. Марго спешит пояснить эти превратности французской кухни.

– Сыр всегда подают перед десертом. Для тех, кто не наелся.

С сомнением разглядываю новую еду: пахнет она не так чтобы ужасно, но почти. Слава уже поглощает багет с двумя сырами сразу. Если у меня еще оставались сомнения по поводу причины появления на его лице упитанных щечек, то они отпадают сами собой. Да и Нинель отдает официантам чистые тарелки: только что вылизывать их ей не позволяет воспитание.

Наташа гордо отказывается от сыра, хотя в глазах у нее остается невысказанная грусть. Но фигура есть фигура. Тут уж либо ты наедаешь себе еще пару килограммов на многострадальные бока, либо терпишь и влезаешь в расплывающийся 42-й размер.

Маргарита, однако, в удовольствии себе не отказывает. Она ест быстро и качественно, параллельно делясь с Наташей радостями липосакции.

Я вновь и вновь задаю себе самый главный вопрос.

Как он может на ней жениться?

– Попробуешь сыр? – протягивает мне Слава кусочек багета.

– Мне кажется, что я уже наелась, – отрезаю я его порыв.

– Алиса, ты сколько вешишь? – язвительно интересуется Нина. – Я просто знаю одну подругу, которая лечилась от анорексии...

– Анорексия? – удивляется Поль, услышав в потоке русской речи знакомое слово.

Дайте мне лопату. Я готова выкопать под своим стулом

яму и провалиться в нее на добровольных началах. А заодно и скинуть туда болтливую Нинель.

– А ты сколько вешишь, дорогая? – отвечаю я по-французски, чтобы Наташа не поняла. – А то у меня одна подруга лечилась от булимии...

Сестра Славы фыркает так, что привлекает внимание официанта, который зачем-то наполняет ее стакан водой. Слава доверительно толкает меня плечом и ехидно подмигивает.

Боже, когда закончится этот ужин? Каждая секунда растягивается на столетия.

Я хочу остаться одна.

Я хочу закричать.

Я хочу свою кровать, подушку и много носовых платков.

Когда мы встаем из-за стола, Поль снова бросает на меня свой загадочный взгляд, пробирающий до самых костей с застрывшим в них роем бабочек. Ноги подкашиваются, я плюхаюсь обратно на стул. Наташа и Марго обмениваются долгим взглядом. Моя мачеха всем своим видом извиняется за мое поведение.

Если уж на то пошло, то Маргарита могла бы тоже почувствовать себя неловко: ее любимый сынуля весь вечер воровал из моей тарелки, да еще и ел руками. Папа помогает мне встать, и я перекладываю вину на неудобные шпильки.

– О, я официально заявляю, что прошу тебя, Алиса, завтра на прогулку надеть кеды, – громко и торжественно про-

износит Слава.

Наташа непроизвольно хмурится, пытаясь скрыть раздражение за не очень искренней улыбкой.

– Вы идете гулять завтра? – спрашивает Поль (Марго переводит ему все фразы, произнесенные на русском).

На моем теле вновь умело возрождаются мурашки: это неземное создание обращается ко мне?

– Да, – отвечает за меня Слава, – надо же нашей гостье показать красоты Парижа.

– А мы собираемся на Эйфелеву башню, – стратегически вставляет Наташа, – молодежь, вы с нами?

– Да, я, пожалуй, хочу на башню, – тут же высказывается Нинель.

Мне же оба ответа кажутся безумно неудобными: если мы едем с ними, то Наташа будет вновь внимательно следить за развитием наших отношений (и отдавит мне остатки ног, которые сегодня она и так хорошенько искалечила под скрывающей ее махинации скатертью). Если едем одни, то у нас что-то вроде свидания. Жалко, что нет возможности просто оставить меня одну в номере, а Славу отправить на башню общим приложением к толпе.

Мне же побыть в гордом одиночестве жизненно необходимо.

– Ты как хочешь, Алиса? – нетерпеливо спрашивает Слава.

А если я сейчас поинтересуюсь, поедет ли с нами Поль,

это будет очень не к месту? Хотя, если он будет там, то я от волнения свалюсь с самой верхушки Эйфелева произведения искусства. Кажется, во время ужина Поль упоминал про важное совещание, запланированное на 2 часа дня, так что завтра я его не увижу. Оно и к лучшему. Наверное.

– Мы пойдем гулять одни, – решаюсь я (все ж куда приятней, чем провести день в компании Нинель и ее мамы). – Хочу просто побродить по Парижу.

Довольную улыбку Наташи можно хоть сейчас опубликовать на каком-нибудь рекламном постере, типа «этот порошок отстирывает все, и я – такая молодец, что его купила».

Сын Маргариты тоже рад. Даже на лице у Нины появляется некое подобие оскала. Видимо, в этой истории проигравшей буду я одна.

Перед тем как забраться к Славе в машину, я вижу Поля и Марго: они садятся в его серебристый «порше», и он нежно целует ее в губы.

Слезы застилают мне глаза всю дорогу до отеля. Хорошо, что длинные волосы мастерски их скрывают. И даже вытирают – вместо излишне заметного носового платка.

Повезло мне, что тушь у Наташи – водостойкая.

И все же я не знаю, как смогу это вытерпеть. Просто физически невозможно.

Я не хочу ни о чем думать.

Выбросить из головы весь вечер, словно это был еще один кошмарный сон.

Возможно, я проснусь завтра в своей кровати с высокой фиолетовой спинкой, на которой наклеен смеющийся смайл. Мне будет снова тринадцать, на завтрак мама испечет блинчики, а после обеда мы поедем с ней в магазин за сладостями.

Не думать. Ни о Поле. Ни о Марго. Ни о свадьбе. Ни о чем.

Возле дверей моей комнаты Наташа останавливается.

– Ты иди, дорогой, – со сладкой улыбкой говорит он папе. – Нам с Алисой нужно немножко посекретничать. Между девочками.

Главное вслух не застонать от неизбежности.

– Хорошо, любимая. Жду тебя. Спокойной ночи, солнышко, – привычно прячет отец глаза, когда обращается ко мне.

Как бы мне ни было это неприятно, Наташа стала ему прекрасной супругой. Она никогда не жаловалась, активно пользовалась его деньгами, искренне радовалась дорогим подаркам и поддерживала в доме уют, который так требовался отцу после утомительного рабочего дня. Полная мамина противоположность. Конечно, вместо Наташи убиралась у нас молодая узбечка Теша, а готовила Светлана Николаевна. Но папе не было дела до приходящей прислуги. Главное, что

дом забыл об истериках, пьянках и недовольстве, царивших в последний год жизни мамы. И это отца устраивало. Как и то, что Наташа взяла на себя бразды моего воспитания.

– Ты не устала, Алиса? Уделишь мне пять минут? – с фальшивой заботой в голосе произносит мачеха.

Папа еще топчется в коридоре. При нем она всегда такая ласковая. Особенно, если злится.

Вместо ответа открываю дверь в свой номер и делаю приглашающий жест рукой.

Сегодня я потеряла туфельки под столом, меня ждет тирада разгневанной мачехи, и на горизонте появился прекрасный принц. Чем не Золушка?

«Только вот у принца уже есть принцесса», – грустно напоминает подсознание. Это несправедливо. Нечестно. Неправильно.

Наташа задумчиво присаживается на кровать. Она разрывается между идеей устроить взбучку и идеей простить и плюнуть на это дело. Ей не хочется начинать отпуск со скандала. И я ее понимаю.

Плюхаюсь на пуфик возле внушительного дубового стола. Покорно жду.

– Девочка моя, тебе не показалось слегка странным твое поведение этим вечером? – начинает мачеха издали.

«А как бы ты себя повела, если бы увидела, что главный персонаж твоих ночных кошмаров вдруг появился наяву, да еще и под руку с Марго?» – бесится внутренний голос.

– Ты про обморок? Голова закружилась, я сама не поняла, что происходит...

Играть дурочку, смачно хлопающую ресницами, я научилась у нее. Наташа слегка краснеет.

– Нет, не только про обморок.

Поль со своим чарующим взглядом стоит перед глазами. Как можно выключить мозг, не прибегая к суициду? Надо будет у Интернета спросить.

– Алиса, ты дерзила Нине, спорила со мной, игнорировала большую половину того, что тебе говорил Слава. Ну, и плюс обморок, естественно. Что это? Запоздалый подростковый приступ? Гормоны вдруг созрели и побежали в мозг?

Ну, у нее хотя бы нет претензии к тому, как я вела себя с Полем. И с Марго. Это не может не радовать.

– На людях ты всегда меня слушалась, – продолжает Наташа, бросая укоризненный взгляд на мой открытый чемодан, валяющийся посреди комнаты. – Наши с тобой конфликты мы решаем между нами. Без посторонних. Зачем была нужна эта пламенная речь о том, что ты хочешь малевать картинки вместо нормальной работы? Зачем сегодня вечером, когда мы были в обществе?

Когда-нибудь поток ее гнева закончится и она замолчит. Нужно просто подождать. Дышать ровно. Принять виноватый вид. И, самое главное, не думать о Поле. Каждую микросекунду контролировать свои беспорядочные мысли.

– Я стараюсь для тебя, глупое дитя. Я так хочу, чтобы у

твоего отца был повод тобой гордиться. А ты? Ну, что молчишь? Я хочу объяснений!

Хочет она. А я хочу прямо сейчас выскочить на улицу, поймать первое попавшееся такси, поехать к Полю домой и утонуть в его объятиях.

Даже наличие Марго меня бы не остановило. Жаль только, что я не знаю адрес.

– Прости меня, пожалуйста, – решаю я оформить несуществующее раскаяние (ссориться себе дороже, это я уяснила уже давно). – Мне кажется, что я просто очень устала: день был безумно длинным. Не знаю, что на меня нашло.

Наташа нервно жует губы. Ей хочется еще извинений. Но мои силы на исходе, Поль постоянно заглядывает в мысли, голова раскалывается, и вдохновленная речь о проступках нерадивой падчерицы длинней не получается.

– Мне было очень стыдно, Алиса, – Наташа артистично смахивает с ресниц несуществующую слезинку. – Я прошу тебя, чтобы больше такого не повторялось! Свои претензии высказывай, будь добра, лично. Один на один. Как взрослая, а не как пятилетний ребенок, всюду сующий свое «я». Мне и так сложно с тобой: ты упрямая, как осел, и несговорчивая, как валенок. Но я же не рассказываю об этом друзьям и не устраиваю тебе сцен в присутствии третьих лиц!

Я упрямая, потому что ты меня такой делаешь. Почему нельзя смириться с тем, что мои мечты и желания не соответствуют твоим планам? Возможно, когда-нибудь я набе-

речь смелости и скажу ей вслух эту фразу целиком. А сейчас я рассматриваю свои голые коленки и всем своим видом выражаю покорность и печаль.

Молчание затягивается. Поль и его волшебные кудряшки маячат перед невидящим взором.

– Больше чтобы такого не повторялось. Договорились?

Наташа встает с кровати, медленно идет к дверям. Я киваю, распущенные волосы пляшут на щеках.

Не думать. Ни о чем.

– Хорошо. Спокойной ночи. Я очень рада, что вы со Славой завтра идете гулять вдвоем.

Слава. Кто такой?

Ах, да. Еще и это.

Когда Наташа, хлопнув дверью чуть громче, чем требуют приличия фешенебельного отеля, наконец, уходит, долгожданное одиночество не приносит мира в растерзанную душу.

Скидываю с ног неудобные туфли, озабоченно потираю ноги. Сколько же мозолей! На мизинцах, на больших пальцах, на пятках. И это я еще мало ходила. Для кого эту обувь делают? Кукол Барби? С их неестественно вытянутым носком им было бы, наверное, удобно.

Пуфик, на котором я сижу, скорее дизайнерский, чем удобный. Встаю, пожалев свою пятую точку, утопающую в мягких складках искусственной кожи.

Поль. Не могу не думать о нем. Это выше моих сил.

Мне нужно чем-то занять свои глаза с ушами и руки с ногами. Не помешало бы и промыть нос, так как он все еще помнит запах лимона, кедра и амбры. ЕГО запах.

Пробегаю глазами по комнате. Широкая кровать, напротив – большой плоский телевизор. Тумбочки из красного дерева, светильники в форме бутонов колокольчиков, раскрывших лепестки в ответ на ранний солнечный луч. Тяжелая дверь в ванную комнату, длинный современный шкаф с зеркальными панелями, высокое окно со старомодными французскими ставнями. В углу – вычурный стол на резных ножках, на который я в спешке побросала рюкзак, журналы из самолета и свою миниатюрную черную косметичку. На втором пуфике валяются джинсы и футболка. Посреди комнаты, открытый, словно пасть крокодила, в которую сейчас полезет дрессировщик, лежит зеленый чемодан, блестящий кучей стикеров на своих вальяжных боках.

Кидаюсь к нему. Выискиваю в одном из боковых кармашков свой любимый парфюм и распыливаю по номеру. Прочь запахи кедра и цитрусовых. Прочь воспоминания из моей головы.

Цветочный аромат духов вдруг кажется мне тошнотворно сладким. Кашляю, роняю флакон на серый ковролин и распахиваю окно.

Я сумасшедшая. Мне это показалось. Поль не Ангел из сна. Просто похож.

«Да, да. А еще ты не Алиса Светикова, а Елизавета

Вторая, у тебя прекрасный муж, четверо детей и сумка Launer», – издевается внутренний голос.

Надеваю наушники, дабы не разбудить мирно спящих гостей приличного отеля и врубаю музыку на телефоне. Старый, добрый рок, что может быть лучше, а главное громче?

«Here I am

Rock you like a hurricane».

(«Вот он я, встряхну вас, как ураган», слова из песни группы Scorpions.)

Уши слегка закладывает от максимального звука. Ну и пусть. Пусть даже барабанные перепонки лопнут. Если это поможет не думать о сегодняшнем вечере, то я готова к таким жертвам.

Раздвигаю панели в шкафу. Множество полок, ящичков и штук десять вешалок. Стаскиваю с себя пиджак, тут же пристраиваю его на широких деревянных плечиках. Наташа бы мной гордилась.

Снова кидаюсь к чемодану, решив разобрать ворох одежды, старательно упакованный моей мачехой. Еще один пиджак, джинсовая куртка, мастерка (жаль, что короткая, прикрывает лишь половину тела), платья, юбки, топы, блузки, шорты. Десяти вешалок не хватит. Почему так много? Мы разве не на неделю сюда приехали? Или Наташа планировала, что я буду три раза в день переодеваться?

Непривычное, слишком открытое и прозрачное тряпье меня раздражает. Не разобрал и половины, я безнадежно ки-

даю вещи назад в пасть зеленого крокодила. К черту.

Он существует. Ангел из сна. Это не просто картинка, которая раздражающе мельтешит перед глазами, а ты пытаешься вспомнить, где ее видела раньше. Он реален.

Подсознательный голос не заглушают даже гитарные арии, занимающие все пространство ушей.

Нет, я преувеличиваю, это был не он. Просто похож.

С силой скидываю со стола весь хлам прямо на жесткий и холодный ковролин. Достая из рюкзака свой альбом.

Там, на последних страницах, тех самых, что я никому и никогда не показываю, есть ответ. Доказательство целостности моего, возможно, недалекого, но здорового ума. Рьяно листаю к концу, неуклюже мну бумагу дрожащими пальцами и, наконец отыскав портрет, замираю. Миллион карандашных штрихов, детальная прорисовка всех морщинок, каждого блика и широкой улыбки. С исчерканной моими стараниями страницы на меня смотрит Поль. Мой Поль.

Вскакиваю с мягкого пуфа, долбанувшись как следует коленкой об угол стола. Кружусь по комнате, словно коршун, выискивающий жертву. Кровать, тумбочка, дверь, шкаф, окно, бюро, пуфы, телевизор, еще одна дверь, снова кровать...

Он существует, я его видела сегодня в ресторане. В реальном мире. Тот, которого я любила всю жизнь, оказался не плодом воображения и не забытым воспоминанием. Его зовут Поль, ему тридцать лет, и он живет в Париже.

Нарезав кругов двадцать, плюхаюсь на пол, рядом с без-

ликим чемоданом. Отбрасываю наушники, из-за внутренних терзаний я совершенно не слышу музыки, поэтому нет смысла царапать барабанные перепонки. Обнимаю голову руками, закусываю нижнюю губу.

А еще Поль женится. На Маргарите. В субботу.

– О-о-ох, это невыносимо! – кричу я своему отражению в зеркальной панели шкафа.

Вскочив на ноги с таким пылом, что низ спины протестуяще взрывается от незапланированной физкультуры, бегу в ванную и изо всех сил хлопаю дверью. Лучше смыть зарождающуюся истерику теплой водой, чем рыдать, уткнувшись носом в пахнущий чужими ногами и жизнями серый ковролин.

Долго стою под душем, отдаваясь во власть горячих струек воды. Смываю тушь прямо мылом (Наташа бы выцарапала мне глаза, если бы узнала). Жаль, что смыть то, что я сегодня увидела, мылом не получится. Даже серная кислота не поможет.

Чищу зубы, затем отыскиваю в рюкзаке маленькие желтые таблетки валерианы и закидываю в рот штук пять. Это чтобы перестать бесноваться и кружить по маленькой комнате, как по футбольному стадиону. Долго и тщательно сушу и расчесываю свои потемневшие от влаги русые волосы. Дабы не корить себя за пренебрежение к моему новому гардеробу, со щелчком закрываю чемодан с помятыми одеждами.

С глаз долой – из сердца вон. Жаль, что к Полю с Марго

это неприменимо.

Моя удобная хлопковая пижама осталась в далекой Сибири, поэтому приходится пялить на себя скользкий шелковый комплект. Наташа продумала каждую деталь моего нового, французского стиля. Но скажите мне, пожалуйста, кто будет смотреть, в чем я сплю по ночам? Или она рассчитывала, что кто-то все же будет? «Славе, наверное, понравилось бы, – нервно подтверждает мои сомнения внутренний голос. – Она, возможно, для него и выбирала».

Я даже возмущаться не могу: валерьянка-таки подействовала и унесла сильные эмоции в небытие. Если Таша действительно думает, что я покажусь Славе в черной шелковой пижаме с красными ажурными цветами, то она заблуждается сильнее, чем Козьма Индикоплов. А тот, как известно, писал в своей топографии, что Земля плоская.

Читая первый попавшийся французский журнал, я из последних сил борюсь со сном. Тем не менее, на статье о том, что нельзя делать во время первого свидания, мои глаза предательски закрываются, и голова постыдно падает на подушку.

Снова вижу Его. Кошмар, преследующий меня последние пять лет, кажется до боли реальным. Но в этот раз я заставляю себя по-настоящему бороться. Если не остановиться и побежать дальше, то и Поль (как странно, у Ангела теперь есть имя) проскочит этот коварный перекресток. Не в воспоминании, конечно, но хотя бы во сне.

Ноги, однако, привычно врастают в асфальт: тело парализует, и я вижу, как мужчина моей, возможно, прошлой жизни выбегает из-за угла.

НЕТ! ТАМ МАШИНА! ОНА ТЕБЯ УБЬЕТ!

Я как будто и кричу, но Ангел не слышит моих воплей. Я пытаюсь замахать руками, заплакать, сделать хоть что-то. Хотя бы проснуться.

В какой-то момент, упав с кровати и запутавшись в улетевшем со мной одеяле, я почти вырываюсь в реальность. Но солнечный свет вдруг освещает подушку, которую я почему-то прижимаю к груди, и я понимаю, что все еще стою на зловещем перекрестке. Безразличный к моим манипуляциям, Ангел делает шаг, и в который раз мои уши закладывает от визга тормозов.

НЕ-Е-Е-ЕТ!

Прихожу в себя медленно, толчками, осознавая, что все еще держу в руках ненужную подушку. Комната кажется совершенно незнакомой, я испуганно отбрасываю свою ношу к поверженному одеялу, скомканному на полу.

Затем мозг решает все же вспомнить о месте моего нахождения: осоловело осматриваю прикроватную тумбочку.

Мобильный с готовностью показывает время. 4.29. Вдруг отдаю себе отчет, что в комнате уже минут пять как визгливо тренькает гостиничный телефон. Удивленная и растерянная, снимаю тяжелую трубку.

– Мадемуазель Светикова?

– Да, – я удивляюсь хриплости моего голоса.

– Ваши соседи слышали крики. У Вас все нормально? Соседи? Родители?

Не тупи, Алиса, если бы твой вой услышал папа, то он бы давно уже выломал к чертовой бабушке дверь.

– Да, я... мне приснился кошмарный сон.

Французское произношение кажется мне в этот момент особенно безобразным.

– Постарайтесь больше не шуметь, – с укором произносит трубка.

Ну, знаете ли! Как будто это от меня зависит. Я пинаю босой ногой подвернувшуюся тумбочку и тут же закусываю ладошку, пытаюсь не закричать от боли.

Тумбочки не подушки, они умеют давать сдачи.

– Простите, пожалуйста, – выдавливаю я из себя недовольному собеседнику и тихонько кладу трубку на рычаг.

Автоматически навожу порядок в слегка разгромленном моими стараниями номере. Застилаю постель, убираю журнал, упавший с кровати вместе с одеялом. Затем, осознав, что все мое тело промокло от пота, вновь отправляюсь в душ. Выползая из ванной комнаты, я вдруг понимаю, что все еще плачу. И озноб не прошел.

Обессиленная, сажусь на жесткий пол спиной к кровати, подгибаю под себя ноги и замираю в неудобной позе, чтобы ни в коем случае снова не уснуть. Кто он? Почему я уверена, что знала его задолго до пресловутых снов? Почему так его

люблю? Где, когда и при каких обстоятельствах я могла увидеть то, что вспомнила в момент своей клинической смерти? Миллионы вопросов. Найду ли я ответ хотя бы на один из них?

«Нет», – уверенно отвечает подсознание. Киваю, словно соглашаюсь со своим внутренним голосом. Видела бы меня сейчас Наташа – и последующие двадцать лет я бы провела в психиатрической больнице на постоянной основе. Я и сама понимаю, что медленно, но верно отправляюсь в точку невозврата (когда крыша съедет окончательно и уже навсегда).

Ладно. Можно спросить что-нибудь попроще.

Рассказать ли ему о моем сне?

Нет, конечно. Он примет меня за сумасшедшую.

Проснись, Алиса, он, наверное, уже понял, что у тебя не все дома: упала в обморок от его прикосновения, покраснела от самых простых вопросов, пялилась на него весь вечер, в общем, вела себя вполне неадекватно.

Но сон? Это же настоящее живое доказательство того, что я с приветом.

В неудобной позе ноги затекают исключительно быстро: я подскакиваю и начинаю мерить свою комнату метровыми шагами. Я, наверное, уже пару километров прошла за эту ночь в рамках гостиничного номера.

Сказать?

Не сказать?

Сомнения разрывают реальность на миллион вариативных возможностей.

Он может ответить: «Я тоже видел этот сон». Или: «Я тебе верю». Или вообще: «Я тебя люблю и любил всю жизнь. Пойду скажу Марго, что свадьба отменяется».

Но вдруг он ничего подобного не испытывает? Тогда я покажусь Полю, самому дорогому в мире человеку, идиоткой, пытающейся его заинтриговать. Еще хуже, если он решит, что я сбрендила. Тогда он произнесет что-то вроде: «Марго, Наташа, бегите все сюда. Нам нужна срочная психиатрическая помощь для Алисы».

Навряд ли он так сделает. Может, все же признаться? Нет, это безумие.

Была бы у меня ромашка. Гораздо проще было бы поручить это решение неодушевленному цветку.

От безысходности хватаю телефон и подключаюсь к гостиничному WI-FI, чтобы отыскать в дебрях Интернета какое-нибудь подходящее к роли гадалки приложение. Вайбер горит новым сообщением – Лена тоже не спит:

«Как дела у моей удачливой подруженьки?»

Удачливой. Скажешь тоже.

Плюхаюсь на неудобный пуфик, за две секунды печатаю ответ. *«Плохо.»*

Другими словами ситуация даже и не обрисовывается.

«Ну вот... И почему?» – удивляется бездушная трубка.

Мне вдруг истерически хочется засмеяться. С чего бы на-

чать? Решаю оставить главную проблему (по имени Поль) на незабываемый десерт.

«Слава со мной все же флиртует...»

«Ой-ой-ой, надеюсь ты пригласишь меня на свадьбу»

Тоже мне подруга. Хотя, когда месяц назад я показала ей фото Славы в одной из социальных сетей, Лена безапелляционно заявила, что он очень даже ничего. И я до сих пор не знаю, подкалывала она меня тогда или говорила на полном серьезе.

«Наташа заставляет носить ОЧЕНЬ высокие каблуки...» – потираю я ступню, которая все еще отдается болью.

«Ах, какая ты несчастная...» – продолжает глумиться Ленка.

Ладно, это были еще цветочки.

«Сон все еще снится...»

Я никогда не скрывала от лучшей подруги своего сумасшествия. Она, в отличие от взрослых, не тащила меня после каждого кошмара к криво улыбающимся психологам.

«Это плохо...» *»* – поддерживает она меня и сейчас.

«И...»

Если бы мы разговаривали вживую, я бы обязательно сделала драматическую паузу.

«Поль...»

Подругу я, конечно же, сбила с толку.

«Какой Поль?»

«Маргаритин жених...»

Лена продолжает пребывать в решительном недоумении. Я ее понимаю, я в нем тоже пребываю последние восемь часов.

«А он-то что натворил?» – успеваешь вставить подруга, пока я печатаю подробное описание проблемы.

«В общем, это он. Он приходил ко мне во сне после аварии.»

Устало вздыхаю. Подруга молчит минуты две. Она, наверное, решила, что я неизлечима и опасна для окружающих.

«Ты серьезно?» – наконец спрашивает она. Я даже представляю, как замирают ее пальцы над тактильным экраном телефона.

«К сожалению, да!» – подтверждаю я свое окончательное падение в бездну. И как моя относительно размеренная жизнь могла так быстро пойти в тартарары?

«Красивый?»

Ну, что у меня за подружка? Я рассказываю ей о своем помешательстве, а она интересуется такими избитыми деталями. Я невольно улыбаюсь.

«Как и во сне...»

А самое главное, что Он существует!

То ли действие валерьяны закончилось, то ли истерику я двумя душами не смыла, но Ее Величество Паника радостно принимает меня в свои горячие объятия. Жуткие кошмары в итоге хотели показать конкретного, невыдуманного чело-

века. Зачем?

Телефон несмело вибрирует в руке.

– Лена?

– Алиса!

Я так рада слышать ее голос, что подпрыгиваю от внезапной легкости. Естественно, при этом умудряюсь зацепиться лодыжкой за основание пуфика и падаю вместе с мебелью, уронив на пол мобильный.

К-К-Комбо.

Сейчас наверняка зазвонит стационарный телефон, и работник отеля потребует освободить комнату.

– Алис, ты тут? – разговаривает трубка. Я протягиваю руку и ловлю разгоряченный пластик.

– Упала, – грустно констатирую я факт своей неуклюжести.

Ленка смеется. Она очень мягкий, веселый и открытый человек. От ее заразительной радости мне становится чуточку легче.

– Ну и как ты умудрилась так вляпаться?

Прикусываю губу.

– Лучше расскажи что-нибудь про себя? Как там Сева проживает?

Я действительно не хочу разговаривать об этом. Поль. Мой кошмарный сон из бездны забытых воспоминаний, внезапно ставший явью.

– Сева лучше всех. Вчера притащил мне в общежитие

мандарины. Пришлось притворяться больной. Пары-то я прогуляла.

Моя подруга уже на первом курсе университета. Она, в отличие от меня, не пропускала школьный год.

Ленка говорит быстро. Да, новостей много, но ей так хочется обсудить мою ситуацию, что она пытается покончить с ними как можно скорей.

Беру со стола свой альбом. Зачем-то открываю незаконченный самолетный набросок. (Затем, наверное, чтобы больше не смотреть в глаза нарисованного излишне детально Поля). Морда дракона чем-то напоминает пухлого купидона: ту самую статую из сна. Вздрагиваю и перелистываю страницу.

– А потом мама звонила и сказала, чтобы я приехала на выходные. И Севу тоже пригласила. Ты же помнишь мою тетьку Аню? У нее день рождения. Придется туда пилить два часа на автобусе.

Если бы Лена была писательницей, то она, несомненно, издавала бы запутанные семейные романы. С ней и ее родственниками всегда что-то происходит, даже ей самой трудно уследить за этим, куда уж ее друзьям. Я решительно не помню никакой тети Ани.

Все еще листаю свой альбом. Страницы, исчерканные карандашами, приоткрывают завесу над темным миром моей души. Девушка с красными розами вместо глаз. Подводная река с разбитой шлюпкой на одном из берегов. Ангел и демон, спорящие над головой молодой женщины в длинном

платье. Детские фантазии, подкрепленные желанием изобразить что-то еще, кроме Ангела с золотыми глазами, естественно.

– И еще у меня есть хорошая новость, – продолжает Ленка. – Если ты в итоге уедешь в Париж учиться, то у меня есть возможность тоже перевестись туда! Мне сегодня дядя Егор (помнишь, который с козлиной бородкой?) рассказал, как подать документы. Только нужно будет экзамен на французский язык сдавать, так что придется тебе меня подтянуть.

Дядю Егора я тоже не помню.

– Эм-м-м? Как?

В моем голосе столько сожаления, что Лена замолкает.

– Я не буду здесь учиться, – упавшим голосом нарушаю я тишину.

– Может, все-таки расскажешь, что случилось? – Ленка беспокоится, и мне становится стыдно. За себя. За свои сны. За всю свою никчемную жизнь.

– Когда Марго представила нам Поля, то я его сразу же узнала, – тихо шепчу я трубке. – Грохнулась в обморок прямо в ресторане.

– О нет! – моя подруга, видимо, не знает – плакать ей или смеяться. Мне не хочется утирать. И жаловаться тоже не хочется.

– Да, да! Прямо в этом шикарном ресторане с толпой официантов! Как они еще полицию не вызвали за нарушение порядка?

Ленка смеется. Я тоже. Истериически, конечно, и это взрывает легкие. Но как же хорошо иногда дать волю своему су-масшествию. Хотя бы на несколько секунд.

– В общем, он существует. В реальной жизни, не только в моих кошмарах. Думаешь, у меня крыша совсем улетела?

Пальцы автоматически замирают, когда, листая страницы, натываются на еще один портрет Поля. Я ведь и рисовать стала только ради того, чтобы перенести его лицо из кошмарного сна на бумагу. Чтобы рассматривать его днем, а не только в сумеречных видениях ночи. Чтобы зацепиться за каждую деталь его внешности и ни в коем случае не забыть его лица, если когда-нибудь он перестанет мне сниться.

– Скажи мне честно, ты уверена, что это он? – медленно вопрошает моя подруга.

Паника сжимает сердце своими огненными когтями. А вдруг и правда не он? Вдруг, уставшая от каждодневных воспоминаний о несуществующем человеке, я просто выдумала схожесть?

Смотрю в нарисованные глаза любимого. Вздыхаю.

– Это он. Или я сошла с ума.

– Ну, значит, это подтверждает нашу теорию, – говорит Ленка, и я знаю, что в этот момент она слегка передергивает плечами.

Она обожает эту фразу: «Что и требовалось доказать». Наверное, поэтому у нее по геометрии всегда была пятерка.

– Какую из?

Мы столько раз пытались разгадать, почему я вспомнила то, что со мной никогда не происходило, что теорий накопилось больше сотни.

– Про реинкарнацию, – с излишней серьезностью отвечает подруга. – Про то, что в твоей памяти всплыл кусочек из прошлой жизни.

Это звучит по-настоящему дико, но в то же время имеет под собой зыбкую основу.

– Ты сама мне говорила, – профессорским голосом продолжает Ленка, – что сон – это не сон вовсе, а воспоминание.

– Да, – киваю я в пустоту.

– А Поль ведь тебя старше? – Ленка сейчас захлебнется слюной экстаза. – Сколько ему лет?

– Тридцать. А это-то тут при чем?

Я могу поклясться, что подруга взяла в руки карандаш и начала выводить на первой попавшейся поверхности доказательства своего умозаключения. Я искренне надеюсь, что этой поверхностью не оказалась стена ее общежития.

– Смотри, во-первых, ты знаешь, что событие уже произошло и ты на нем когда-то присутствовала.

– Это как вспомнить сцену из книги, – хрипло продолжаю я ее мысль, – которую читала лет десять назад, и еще засомневаться: книга это была или все же фильм.

– Именно. Но само событие отложилось в мозгу, и сомнений в том, что ты это уже видела, у тебя нет. Есть сомнения в источнике, откуда получена информация? Правильно?

Ленка говорит слишком быстро. Я не успеваю за ее светлой мыслью.

– Наверное, – усиленно киваю, будто подруга может меня видеть.

– Во-вторых, все происходит в старом, несовременном, выцветшем городе с дорогой, выложенной камнями, а не асфальтом. Автомобили тоже винтажные. Даже в магазинах продается какое-то старье.

Щеки рдеют от стыда. Я так часто пересказывала Лене свое видение, что она запомнила каждую деталь. Наверное, я невыносимая подруга.

– А если твой сон на самом деле произошел в прошлой жизни, то все, что старье, – это и не старье вовсе, а соответствующее тому времени.

У меня мурашки бегут по спине. Логика подруги вдруг кажется совершенной. Хоть сейчас публикуй пособие «Репинкарнация: исследования, факты, доказательства».

– А в-третьих, – торжествуя продолжает Ленка, пока я глажу рукой портрет Поля, – если в прошлой жизни он погиб у тебя на руках, а ты осталась жива, то это объясняет вашу разницу в возрасте.

– Чего? – мой голос протестующе срывается на крик.

– Ну, сама подумай, – тут же терпеливо объясняет заумная подруга. – Он раньше тебя умер в прошлой жизни. Раньше тебя родился и в этой.

– Если, конечно, это так работает, – чуть поколебавшись,

добавляет она.

Не в силах усидеть на удручающе мягком пуфе, я подскакиваю на ноги. Меня всю трясет, даже кончики волос заходятся в мелкой дрожи, напоминающей ритуальный танец. Я не зря считала Поля столь родным и близким. Разве это не доказывает нашу связь на уровне большем, чем научное понимание биологического бытия?

А если в прошлой жизни мы любили друг друга? А если он умер у меня на руках? А если воспоминание действительно оттуда?

Тогда я не сумасшедшая!

И... я... до сих пор его люблю.

До полной потери пульса.

А Поль?

Вопрос застаёт меня врасплох. Видел ли он похожие сны? Помнит ли меня? Ведь между нами прошла эта электрическая волна, когда мы смотрели друг на друга в ресторане... Не то, что волна. Мощный взрыв, равный миллиону ядерных бомб, сброшенных на мою не защищенную хотя бы какой-нибудь шляпкой макушку.

– Ладно, что-то я увлеклась, – весело щебечет Ленка в трубку. – Может быть и другое объяснение того, что ты его помнишь.

– Да? И какое же? – собственный голос кажется чужим и мерзким.

Смотрю в окно, где зарождающийся рассвет несмело рас-

крашивает пухлые облака и шпиль Эйфелевой башни в золотисто-розовый цвет.

– Ну, например, это произошло в одной из параллельных реальностей, – Ленка говорит с энтузиазмом школьницы, которую позвал на первое свидание самый красивый мальчик из класса. – Или, скажем, весь наш мир – это компьютерная игра, а пользователю не понравилось, что Поль умер, и он не стал сохраняться и переиграл партию.

Вздыхаю. Вот теперь она уж точно увлеклась.

– Или я сошла с ума, – уверенно чеканю я светлеющим облакам и аккуратным крышам. – Тоже, конечно, теоретически.

– Теоретически мы все погружены в виртуальную реальность, а машины качают из наших тел энергию. Твой сон – это просто системная ошибка, – весело отвечает подруга.

Я тоже люблю «Матрицу», но это уже перебор.

– Слышала бы моя бабушка, о чем мы разговариваем. Клянусь тебе, она пришла бы сейчас со свечой и святой водой, чтобы изгонять дьявола, – Ленка нервно хихикает.

Я тоже хихикаю. Во всяком случае, пытаюсь. Однако сразу же захожусь в кашле и, смущенная, смолкаю.

Подхожу к столу, с силой переворачиваю страницу блокнота и смотрю на очередной рисунок. Тот самый перекресток. Поль кажется размытым силуэтом: я так и не осмелилась во всех подробностях изобразить на бумаге свой многолетний кошмар.

– В общем, расслабься, – оптимистично подводит итог нашей беседы моя бывшая одноклассница. – Хуже ведь не будет уже? Познакомься с ним поближе! Может быть, ему тоже снятся сны?

– И как я об этом спрочу? «Извините, многоуважаемый, а я вам не напоминаю один из ваших ночных кошмаров?» – язвительно пожимаю я плечами. – И как с ним ближе знакомиться, если вокруг постоянно крутится его уже почти жена плюс Наташа, папа, Слава и Нинель?

Лена вздыхает.

Воздух, ставший каким-то липким и тяжелым, с неохотой просачивается в горящие легкие.

– Ты его любила всю жизнь. Я бы на твоём месте попыталась хоть что-то сделать, – грустно отвечает моя подруга.

Сухо закрываю альбом, убираю его в рюкзак. Хватит с меня рисунков, тяжело и без этого.

– Черт, мне пора на пару бежать, – вдруг вспоминает моя подруга о том, что она прилежная студентка. – Там семинар у Пираньи Васильевны, пропускать нельзя ни в коем случае.

Я с опозданием вспоминаю, что из-за разницы во времени у Ленки уже давным-давно наступил учебный день.

– Беги быстрее! – кричу я трубке. – И... спасибо...

Отключившись, швыряю мобильником в мягкий пуф. Волны безнадежности окутывают все еще дрожащее тело.

Поговорить с Ангелом о своих снах? Признаться ему в любви? Искать встречи по любому поводу?

Нет. Нет. Нет.

Возможно, в прошлой жизни, параллельном мире или в моем воображении Поль и любил меня. Во всяком случае, я помню, что любила его всегда, задолго до своего рождения. Но жестокая реальность не оставляет права выбора.

Маргарита и Поль встретились в самолете, летевшем из Варадеро. Они уже давно вместе, а сейчас решили пожениться. Я же уеду в Россию сразу после их свадьбы и всю жизнь буду любоваться Полем в своих кошмарных снах.

Я не имею права мешать счастью других. Никакого, черт его побери, права.

Стискиваю зубы, расчесываю перепутанные лохмы и грустно отправляюсь в путешествие по новому дню.

5

– Ну что, ты готова? – радостно кричит Слава на весь холл, чем привлекает внимание гостиничного персонала в полном составе. Даже уборщица на секунду перестает мыть и без того идеально чистый пол и поднимает глаза.

– Да, – я выдавливаю из себя улыбку, принимаю из его рук свежий круассан и стакан апельсинового сока и гордо шагаю к дверям.

Вообще-то, если не считать утренней истерики и ночного кошмара, то понедельник проходит вполне сносно. Светит солнце, французы снуют туда-сюда, здания красивые, Слава лучится радостью.

Только...

Замолчи, едкий внутренний голос, я и без тебя все знаю.

Да, я не с человеком, о котором мечтала всю жизнь. Да, он женится на другой. И да, я ненавижу себя за эти мысли. Но зато хоть с погодой повезло.

Мы гуляем по маленьким французским улочкам с кучей бутиков, ресторанов и баров. Я сегодня в кедах, джинсах и в футболке (Наташа проспала и, в панике умчавшись с папой в первом попавшемся такси, не успела проконтролировать). Слава покупает себе перекусить почти в каждом встречном баре. Я удивляюсь лишь тому, что его пухлые щечки еще сохраняют форму щек. С такими объемными продуктовложе-

ниями в свой желудок, Слава должен был уже давно превратиться в помесь хомяка и медведя-переростка.

Что за глупые мысли беснуются в моей голове? В конце концов, он меня выше и шире, так что и есть он должен гораздо больше. Вот только не повезет его будущей супруге: прокормить такое чудо не под силу даже профессиональной поварихе тете Гале из двенадцатой столовой.

– Ты вообще питаешься чем-нибудь, кроме воздуха? – словно читает мои мысли Вячеслав. – Вот подует ветер и унесет тебя прямо на крышу Эйфелевой башни.

– Классно, тогда я не буду платить за билет, – вторю ему я, опуская первый вопрос.

Даже если Поля рядом нет, бабочки в желудке все еще живы и чертовски активны. Из-за них мне пришлось скормить практически весь круассан Славе.

– Ты выглядишь совсем еще маленькой, когда на тебе нет каблучков и платья, – поддразнивает меня мой спутник.

– Ну, каждая женщина мечтает выглядеть младше своих лет, разве ты не знал?

Слава смеется. Допиваю апельсиновый сок. Рассматриваю старинную церквушку на нашем пути. Внушительное здание покрыто паутиной тонких трещин.

– Ее построили в тринадцатом веке, – рассказывает мне мой гид. – И она не пострадала ни от войн, ни от революций.

– Ты про каждое здание в Париже что-то знаешь? – невольно восхищаюсь я.

– Ну, я пошел гулять с красивой девушкой. Ты же понимаешь, что готовился всю ночь.

Вяло смеюсь. Он так просто говорит комплименты, что мне становится не по себе. Хотя, возможно, в этом и прелесть общения с другом? Ленка тоже все время меня за что-то хвалит.

– Ты слишком тихая сегодня, – задумчиво рассматривает меня мой собеседник. – Вчера ты была поактивней. Как там: «Я художник, а не дизайнер! И не хочу терять себя из-за ваших амбиций!»

Он умело обходит фразу про маму. Иногда все же интуиция не подводит мужчин. Хотя это и случается достаточно редко.

– Кто бы говорил, мистер «хочу учиться в Сибири»? Я так и не поняла, как Марго удалось убедить тебя остаться здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.